

ТАЙНОЕ

МЕСТО

НА БЕРЕГУ БЕЗЫМЯННОГО ОЗЕРА

НАТАЛЬЯ КИНДУЛКИНА

16+

Наталья Киндулкина

**Тайное место на берегу
безымянного озера**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Киндулкина Н.

Тайное место на берегу безымянного озера / Н. Киндулкина —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Настоящее всегда вытекает из прошлого. Как связаны судьбы трех матросов и немого мальчика Даниэля, странного старика и ветреной девушки Ребекки? Даниэль открыт миру, он видит и чувствует больше, чем обычные подростки. Но как на его жизнь повлияла история любви и предательства, дружбы и разочарования, которая произошла до его рождения?

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	19
ГЛАВА 4	26
ГЛАВА 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

ГЛАВА 1

Меня зовут Даниэль, и вчера мне исполнилось одиннадцать лет. Сегодняшний день обещает быть хорошим – мы с отцом пришли на мое любимое место на берегу безымянного озера. Больше всего мне нравится сидеть здесь под раскидистым деревом. Отец говорит, что издали я похож на большое чернильное пятно, но никто этого не заметит, потому что это место секретное, о нем знаю только я и отец. Я ни разу не видел здесь других людей с тех пор, как мы его обнаружили. Это случилось в прошлом году – во время очередной прогулки я заблудился и вышел на эту поляну. Видели бы вы лицо отца, когда он меня обнаружил! Он совсем не ругался, он вообще никогда не ругается. Мой отец отличается от других, я еще не смог понять почему, но у меня это получится – я точно знаю. Несколько дней назад в его комнате я нашел книгу, похожую на дневник. От нее пахло морем и смолой. Обычно я не беру без спроса чужие вещи, но отец говорит, что между нами нет секретов.

– Даниэль, выбирайся из холодной воды – замерзнешь.

Кораблик из желтой старой бумаги едва держал равновесие, качаясь на длинных скрипучих волнах. Он врезался в кучу песка и остановился у берега. Игрушка в руках ребенка ожидала от одного только взгляда.

Время на палубе шло медленно, дни повторяли друг друга, сбивая с толку. Разобраться в этой путанице было бы невозможно, если бы не календарь, висевший в каюте у капитана. Каждое утро он обводил новый день красным карандашом. После обеда к нему в каюту стекались люди – посмотреть, сколько времени осталось в запасе, чтобы успеть отдохнуть от своих семей. Это продолжалось недолго, но успело весьма надоест. Пришлось даже повесить на дверь табличку с надписью: «Не входить». После этого количество желающих заглянуть резко уменьшилось, что капитана тоже огорчило. Он любил внимание и был от него зависим.

Слева от каюты капитана сидел хмурый упитанный мужчина, он опирался на локоть и читал старую засаленную книгу, которую нашел в каюте нижней палубы на прошлой неделе. Читать мужчина не любил, но название его заинтересовало. Рядом с ним стоял юноша, он нервничал, озирался по сторонам и все время зачесывал назад свои длинные волосы. Вчера молодой человек получил письмо от своей подруги, в котором она велела ни на что не надеяться и забыть ее имя.

На другом конце палубы маячил неразборчивый силуэт. Его обладатель шарил по карманам куртки – он явно что-то искал, но, ничего не обнаружив, приступил к осмотру карманов своих штанов. Процесс поиска, видимо, был до того волнительным, что лицо субъекта то и дело меняло оттенки. Он не заметил, как сам несколько минут назад спрятал ручку за ухо, когда пожимал проходящему мимо руку. С этими вещами здесь был дефицит: если потеряешь свою, другую будешь искать еще долго, а если не повезет – придется выменять ее на пачку сигарет или бутылку крепкого. А эта ручка ценна еще и из-за того, что была подарена человеком из далекого прошлого, необычная форма выделяла ее среди остальных – невозможно перепутать ни с какой другой. Ручка требовалась, чтобы сделать вечернюю запись в своем дневнике.

Писать стало то ли ежедневной традицией, то ли въедливым проявлением дисциплины, и если бы кто-то узнал о его увлечении, то сразу бы подумал – это задание капитана. Подобная мысль, и правда, могла прийти ему в голову, но, к счастью, обошла стороной. Каждый вечер в одно и то же время мужчина садился и вырисовывал нечеткие буквы, царапая желтую, как жженные воспоминания, бумагу. Бледные символы разрывали тонкие листы насквозь. Он стеснялся себя, отчего курил чаще, но отгоняя мысли, заводящие в тупик, продолжал писать, облокотившись на старое одеяло из вонючей шерсти. Оно валялось здесь невесть столько и пахло дурно; нет, пахло оно просто отвратительно.

Дневник – всего лишь одна из форм самовыражения, доступная и подвластная каждому, но не всякий станет выплескивать мысли на бумагу в надежде, что кто-то прочтет. Он писал, чтобы избавиться от эмоций, накопившихся внутри, и не представлял себя в роли героя, отважно сражающегося за свою или чужую жизнь. На страницах дневника жили все его мысли, о которых мало кто знал, и неизвестно, сколько людей, в конечном счете, станут их негласными свидетелями. В реальной жизни для этих эмоций не находилось места.

Всякий раз, ненадолго отлучаясь, мужчина боялся, что дневник найдут, если он случайно оставит его на видном месте. Выставлять душу напоказ не входило в планы и нарушало прописанный в голове сценарий самым неприятным образом. Если это все же случится, автор дневника будет стоять в тени и всячески отмахиваться от себя, испытывая при этом мерзкое чувство отвращения. Быть честным с собой оказалось сложнее, чем выглядеть тем, кем хотят тебя видеть другие.

Он был бы рад не испытывать этих эмоций, но внутри было слишком много беспокойства. С ног до головы в него были облечены все мечты и надежды – вся нагота скрывалась под клубнем зимней одежды, а сверху был натянут жесткий гипс. Невозможно просто так взять и вырваться наружу.

Чайки разрывали тишину свистом, словно в небе звучала тревожная сирена всех городов мира. Громкая команда капитана отзывалась эхом повсюду. Это была обычная практика, и всякому, кто задерживался здесь надолго, приходилось терпеть.

По команде все занимали свои места. Никакой паники, но без происшествий не обошлось ни разу. Всегда находился тот, чьи мысли были заняты совершенно другим, или тот, кто по счастливой случайности оказывался в месте, где звук приглушен и мощь голоса командира превращалась в шепот. Схема была много раз отработанная, но все равно нуждалась в регулярном повторении.

Когда человек не уверен в себе, он постоянно сомневается в праве иметь больше, чем у него есть. Ожидая ежеминутного подвоха, ему нужно чье-то одобрение – приказ, по которому он сможет позволить себе большее. Капитан доверял своей команде, и эти построения были для него чем-то похожим на развлечение, так он пытался держать постоянную связь с коллективом. Он ждал этого также сильно, как дети в детском лагере ждут ночи, чтобы обмазать друг друга зубной пастой.

Имя «Дуглас» придумал отец наперекор матери. Ей больше нравилось «Кристиан», и до последнего она была уверена, что мальчика назовут именно так, но для осуществления задуманного она не нашла поддержки в лице мужа. Так и вырос «Кристиан» – «Дугласом».

Его волосы украшала благородная седина, появившаяся раньше, чем он планировал, а на лице всегда сверкала улыбка. Капитан носил темно-синие штаны и одну и ту же серую кофту с закатанными по локоть рукавами. На сорок пятый день рождения друга подшутили над ним и подарили целый комплект одинаковых кофт, но он все равно оставался верен себе и носил одну и ту же, бережно стирая ее всякий раз, как только она начинала издавать неприятный запах.

Это не о любви к одной-единственной кофте, это о привычках. Из-за привычек теряется смысл новизны – становятся ненужными новые эмоции и новые вещи, новые люди и новые впечатления. По уши погрязнуть в привычках может каждый, но капитан делал это с особенным удовольствием. Он сознательно тонул, крепко держась одной рукой за точку опоры, а второй отталкиваясь от нее же, чтобы улететь подальше от точки невозврата.

Когда капитан улыбался, усы на его лице исполняли неловкий танец, как бы он ни старался, выглядеть серьезным не получалось. Дуглас, как взрослый ребенок, потерял себя в поиске шоколадных конфет. Люди смотрели на него и думали, что это какая-то шутка, он не может быть капитаном, но из него мог бы получиться отличный повар. Недолго выдержав паузу, они выносили окончательный вердикт – нет, точно, не может. Первое впечатление было обманчивым, и за всей его неловкостью скрывалась непоколебимой красоты сила.

После учебной тревоги ветер стих. Суета закончилась, образуя мертвую тишину.

– Неплохо на этот раз, но вам все еще есть к чему стремиться. А теперь – можете расходиться!

Каждую свою фразу мужчина старался произносить уверенно и серьезно, но желаемого эффекта добиться не получалось. Еще и правый рукав начал раскатываться и плавно спускаться вниз. Все это нисколько не мешало его авторитету уверенно держаться и без спасательного круга.

– Чего уставились? Я же сказал – расходимся. Можете заниматься своими делами, хотя какие у вас могут быть дела, кроме работы!

Если в его глазах появлялись озорные огоньки, значит, он был от себя в полном восторге. Смахнув пыль с усов, капитан медвежьей походкой отправился в сторону каюты.

Небо из темно-синего превратилось в иссиня-черное, как будто фокусник накрыл его тканью – той самой, под которой в старых ящиках на представлениях прячет от зрителей всю наготу своей жизни. Дождь то и дело собирался обрушиться железной стеной.

Волн было не видно, но если прислушаться, то можно услышать, как волны небрежно бьются о берег. Корабль бултыхается в грязной воде, и если он провисит так еще несколько минут, то захлебнется и пойдет ко дну.

– Даниэль, что ты все время туда смотришь? Ты совсем замерз. Может, пойдем домой?

Он мог сидеть так часами в любую погоду, но когда бледно-розовые губы начинали наливать синим – была пора уходить.

День рождения Даниэля они отметили с Люси и парой школьных друзей. В мастерской накрыли небольшой стол – отец купил сладости, а Люси, соседка из дома напротив, испекла пирог. За столом непременно были круассаны – одно из любимых блюд мальчика. Подарков оказалось немного – мяч, его принесли друзья, и книги – их подарил отец. Принявшись за трапезу, отец вспомнил, что на торте нет свечей, и, обыскав весь дом, так их и не нашел. Он чувствовал себя виноватым, но старался не подавать виду. В 8 вечера мастерская опустела и снова была готова для работы, а в 8:30 здесь не осталось никаких следов праздника.

Для своих одиннадцати лет Даниэль был спокойным и любознательным ребенком. Главное оружие в его арсенале – это необычайной красоты харизма, он умело ей пользовался, сам того не подозревая. Город, в котором они жили, был небольшой, и в округе все хорошо знали мальчика.

– Мне кажется, твой корабль завершил свою миссию, пора вытаскивать его из воды. Боюсь, это единственное, что мы можем для него сделать.

Когда Даниэль был совсем маленьким, он любил собирать старые вещи, и с каждым днем в доме их становилось все больше. Если бы так продолжалось и дальше, то пришлось бы делать дополнительную пристройку, а когда место закончилось бы и там – строить еще одну. Их жизнь из размеренной превратилась бы в бесконечную стройку.

Из-за необычного увлечения мальчика в конце улицы соседи даже устроили специальную площадку, где оставляли старые вещи, найденные на своем чердаке. А у кого не было чердака – тащили туда все, от чего так хотели избавиться все это время. Среди вороха грязи и полчищ ненужного хлама Даниэль мог найти то, чему другие потом завидовали.

Соседи ласково называли его «мальчиком в коричневых штанах» – этот цвет ему нравился, и он почти всегда их носил. Его голову украшал бордовый берет, одним июльским вечером кто-то оставил его с пометкой «для Даниэля», что вызвало в мальчике бурю радости и восторга. Он придавал его виду толику аристократичности и превращал в серьезного юношу.

Миллер – так прозвали отца мальчика – смотрел на Даниэля и испытывал чувство гордости. Сам он, как бы ни старался, не умел заводить теплых отношений с людьми. Человеком он был отстраненным – больше слушал, чем говорил. Людям казалось, что когда Миллер смот-

рит в глаза, он пронзает взглядом насквозь. Несмотря на все странности, дурного он ничего никому не делал, и люди общались с ним так же, как с остальными. Сторониться же своих здесь было не принято.

Последние годы он много работал. Ему казалось, что так время пойдет быстрее, но оно продолжало ползти ленивой черепахой. Бросив занятие всей своей жизни, Миллер оказался перед выбором, чем теперь заниматься. И долгое время он не мог найти ответ на этот вопрос, пока однажды не вспомнил, что в детстве любил работать в мастерской у отца. Это одно из немногих умений, которому тот его научил. Там, запираясь ото всех и оставаясь наедине со своими мыслями, мужчина неспешно выполнял заказы, уходя от реальности. Свой покой он находил в воспоминаниях о прошлом.

Часть готовых работ отец Даниэля продавал на центральной улице города. Просыпаясь с рассветом, он приходил туда в 7 утра – в это время люди шли на работу, готовые отвлекаться на что угодно, лишь бы растянуть время в дороге. Обычно пустые разговоры ни к чему не приводили и заканчивались лишь обменом парой незатейливых фраз. За несколько месяцев работы в таком режиме Миллеру удалось продать всего четыре свои работы, три из которых купил один человек. Он хорошо запомнил этот взгляд из-под шляпы, его глаза казались настолько знакомыми, что вспоминать их цвет совсем не хотелось. Мужчина был хорошо ему знаком.

Большинство вещей для оборудования мастерской они нашли с Даниэлем в конце улицы.

Немногие из тех, кого он впускал в свой мир, интересовались, где же удалось достать все необходимое для работы, но Миллер так и не решился рассказать о находках и всегда отвечал односложно, отводя взгляд в сторону. В глубине души благодарность обжигала его сердце как кипяток, разлитый на колени. В день, когда они обнаружили часть вещей, хотелось кричать, сомкнув зубы. Это был лучший подарок под Рождество. Стены мастерской мужчина украсил старыми картинами, на них были море и звезды. О своей любви к морю он не рассказывал никому, эта тема была сокровенной. Миллер избежал от всех вещей, которые с ним связывали, лишь одну коробку с воспоминаниями запрятал глубоко в шкаф.

Несмотря на небольшой заработок, работа мужчине нравилась – она была спокойной, хоть и требовала от своего исполнителя большой концентрации, но внимания у него было хоть отбавляй. Он начал развивать этот навык с тех самых пор, как Даниэль в первый раз оказался у него на руках, за эти годы ему пришлось освоить много новых умений. Жизнь научила его быть терпеливым.

– А что если нам выпить еще по одной? Или по две, как пойдет! – раздался мужской голос из темноты.

– Ты хочешь, чтобы нас поймали с поличным? – буркнул второй. – Не хочу рисковать, ты же знаешь, как сильно эта работа мне дорога.

– Я бы тебе поверил, если бы мы хоть раз попались!

– Предложи лучше Чарли, он сегодня целый день хмурый ходит.

– Я это заметил и даже знаю подробности – ему девушка письмо написала, что между ними все кончено. А он продолжает твердить, что она лучше всех! Идиот! – продолжал возмущаться первый. – Ведь если она лучше всех, отчего же письмо такое написала? Думаю, она все знала заранее, еще до его отъезда.

– Скажи еще, что она заранее это спланировала.

– А я и не удивлюсь! Такие решения нужно принимать на расстоянии, пока человека не видишь. Понимаешь? Не стоит он перед тобой, и краснеть не приходится! Хочешь – бросай, хочешь – ругай. Можно делать вообще что угодно!

– И зачем я эту тему поднял? Лучше бы меня в эти любовные дела никто не посвящал, чувствую себя свидетелем, которого забыли пригласить, а он все равно пришел.

– Вот я и говорю – хватит с нас душевых терзаний! За свободу и независимость!

– Не сегодня, Люк! Я тебя умоляю. Спать хочется, сил никаких нет.

– Один я пить не буду, я же не алкоголик какой-то.

– Вот только на жалость давить не надо, – возмутился мужчина.

– Да чтоб я? Да никогда! Но ты все равно хорошенько подумай! Все-таки лучший друг предлагает, а друзьям отказывать – это как предать себя самого.

– Разве же это предательство?

– Еще какое! Тебе повезло, что масштаба оно небольшого. Не придется потом сильно переживать и думать на ночь-то глядя – а ведь мог пойти на уступки, но нет же!

– День сегодня, и правда, не задался.

Наступила полночь. Скрип шагов и разговоры на палубе сменились тишиной, звенящей снаружи. Только в одной из кают раздавался смех. Голоса звучали, перебивая друг друга, но расслышать, о чем говорят, было невозможно. Каждый вечер они собирались вместе, чтобы скоротать до утра время и обсудить последние известия. Эти посиделки стали традицией два года назад, а ведь приятели могли и дальше не замечать друг друга, если бы не случай.

Два года назад, 12 августа, в день, когда судно пристало к берегу, а Чарли только появился в команде, они зашли в бар на окраине города. Там некто попытался сорвать с Джастина куртку, кидая в его адрес гнусные ругательства, о которых сейчас и вспоминать тошно. Стояло непривычно холодное лето, в воздухе пахло табаком и дешевым коньяком, изо рта шел пар, а лицо горело от обжигающего потока ветра, как новогодняя елка. На крыше бара висела старая люминесцентная вывеска с говорящим названием «Мандарин», в ней не горели две гласные буквы. В этот вечер хотелось одного – согреться.

– Эй, я спрашиваю тебя еще раз, одолжишь мне денег? – с завидным упорством произнес незнакомец, разминая свои кулаки.

– Последний раз я одалживал деньги своему школьному товарищу Морису, и эта история с плохим концом. Уверен, что хочешь дослушать ее до конца? – с издевкой, не желая сдаваться, произнес Джастин.

– Ты, верно, не понял. Я не прошу денег в долг, я хочу, чтобы ты меня угостил. Понимаешь? Ты пришел ко мне в гости, но ничего не принес взамен – это некрасиво.

– Так «Мандарин» – это ты? Идиот ты, если так. Мандарины должны быть желтыми или оранжевыми, а ты – весь в черном. Гнилой мандарин хочет, чтобы я угостил его выпивкой?

– Что ты несешь, придурок?

Если бы Люк с Чарли подошли на две минуты позже, массивный кулак впечатался бы в челюсть Джастина и отрикошетил обратно со звоном выбитых зубов. Но рука Чарли успела перехватить, и по счастливой случайности или от неожиданности громила промазал.

– Извините, он у нас не в себе в последнее время. Мы будем благодарны, если вы не откажетесь от бокала коньяка за наш счет, – с осторожностью произнес Чарли, уставившись на недоброжелателя.

– Точно-точно, он у нас дурачок! Мы сами все ему объясним. Чур, я первый на очереди!

Люк с легкостью и большим удовольствием, толкнул локтем товарища.

– Вы – чертовы психи! – не выдержал незнакомец.

Нахальный тип на удивление ловко запрыгнул на барный стул и уставился в окно. Тут же подбежал бармен и принес ему два бокала.

Кроме них пятерых, в баре никого не было. От инцидента стало не по себе, но уходить не хотелось.

– Зря я пришел сюда, мне здесь нечего делать. Не нравятся мне такие компании, предпочитаю отдыхать в одиночку, – недовольно проворчал Джастин.

– Тогда зачем ты сюда зашел? – спросил Люк.

– Хотел согреться, а чуть не вляпался в очередное дерьмо. Спасибо, что вытащили меня! Не знаю, справился бы я сам? Обычно мне удается уладить конфликты другими способами.

– Так по тебе и не скажешь! Сегодня мы тебя отмазали, и теперь ты – наш должник! Да, Чарли?

– Пожалуйста, Люк, будь другом, разберись с этим сам, – не желая вмешиваться, сказал Чарли.

– Моя благодарность не знает границ, но я предлагаю заменить свой долг парой бутылок пива. Идет? – предложил, хмыкнув, Джастин.

Джастину тридцать пять лет. В детстве он и не думал связывать свою жизнь с морем, но за последние десять лет редко находился на суше. Море стало для него союзником, разделяющим желание оставаться свободным и независимым. Однообразная размеренная жизнь была для него в тягость, но с каждым годом шпиль одиночества пронзал все глубже.

На черной кожаной куртке остались следы от несостоявшейся драки, а на лице повисла кривая ухмылка.

– И где твоя благодарность? Я больше не могу ждать! – воскликнул Люк, ерзая на скрипучем стуле.

– Я же обещал – сейчас все будет! Нам пива и какой-нибудь закуски, лично я – проголодался.

– Я бы съел что-нибудь посерьезнее! – облизываясь, оживился Чарли.

– Чарли, ты совсем болван? Бери и плати за это сам, а я знаю цену деньгам!

Люк в компании был самым упитанным и старшим, в прошлом году ему исполнилось сорок семь. В отличие от остальных, на берегу его ждала совершенно другая жизнь – жена, трое детей и омут прочих обязательств. Дома он не мог по-настоящему расслабиться и, каждый раз уезжая, вел себя как ребенок. Волосы мужчины всегда были собраны в хвост, и многие считали, он носит такую прическу, чтобы нарочно не выходить из состояния детства, но Люк мыслил по-другому. Он был уверен, это придает мужественности и исправляет неудачный овал лица.

– Я вспомнил! Джастин вообще не закусывает – я видел, как он пьет. Не ест, как будто девушка на первом свидании – боится нам не понравиться.

– Люк, ты полный кретин!

– Ешьте или пейте, только заткнитесь.

Общение в баре растянулось до утра, ветер за окном стих. Пена от пива лениво переливалась в кружках, сон отошел на второй план. Со звоном пивных стаканов каждый из собеседников звучал по-новому – более открыто и раскрепощенно. Они разошлись, когда толстый громила нещадно храпел, царапая ногтями дерево барной стойки.

– Смотрите, как спит, будто каждый день здесь ночует.

– Да, мастер своего дела!

В 7 утра знакомство подошло к концу, завершившись крепкими объятиями.

Сегодня, благодаря тому случаю, Джастин и Чарли разбавляют тишину разговорами ни о чем. После выпитого в одиночку Люк тут же отключился. Если он не пришел до двенадцати, значит, уснул. Это давно известное правило – не ждать Люка, если он опаздывает. Обычно он приходит раньше и долбит ногой в дверь с такой силой, что невозможно ни с кем перепутать.

– Ты опять перечитывал? – спросил Джастин, имея в виду то злополучное письмо.

– Я выкину его сразу, как только меня прекратит преследовать мерзкое чувство предательства.

– Ты уже взрослый, а веришь в сказки. В жизни нужно научиться главному – ничего не ждать, да и надеяться на кого-то – в высшей степени глупо.

– Я с тобой не согласен, – покачал головой Чарли. – Без надежды нет жизни, а, значит, нет будущего.

– Неужели, после того как ты прочитал письмо, ты все еще продолжаешь надеяться?

– Я уверен, что все изменится. Она всегда была непредсказуемой, но в последнее время мне стало казаться, что мы чувствуем друг друга и перешли на новый уровень общения. Я вернусь и разберусь со всем этим, нужно только подождать.

– Боюсь, к тому времени, как ты вернешься, она уже найдет того, кто загородит собой вход в ее дом. Он разберется с тобой, если ты, как настырный мальчишка, будешь туда ломиться, и я его в этом поддерживаю.

– С какой стати? – с обидой спросил Чарли.

– Смирись – это история уже в прошлом, а когда ты вернешься, это будет уже далекое прошлое.

– Можешь не беспокоиться – я не знаю, где она живет.

– Вот видишь! – со значением сказал Джастин. – Ты даже не знаешь, где она живет, а говоришь о доверии. Надо отдать ей должное – она была искренна с тобой, отправив это письмо. Начни сначала и ты увидишь, как все изменится. Попробуй не цепляться за прошлое.

– Мы друг для друга – единственное настоящее, – упрямо заявил Чарли. – Даже не уговаривай. Уверен, мы еще вместе посмеемся над этим. Как такое вообще могло прийти ей в голову?

– Ты еще молод и слишком наивен. На твоём месте я бы избавился от этой бумажки как можно скорее. Например, сейчас. Запомни одно – рассчитывай только на себя самого. Хотя временами мне кажется, что я бы и на себя не рассчитывал. Мысли непостоянны во времени. Сегодня ты думаешь так, а завтра совсем по-другому, так что теперь остается? Вообще ни о чем не думать и ничего никому не обещать? Она обещала любить тебя вечно, но это было вчера, а сегодня она передумала. Я уверен – она тебе не лгала.

– Она не говорила, что любит меня, но я это чувствовал. – Чарли нахмурился и отвернулся.

– Думая о ком-то, мы выстраиваем с ним связь. Мы – выстраиваем, но не с нами выстраивают. Чувствуешь разницу? Время идет, и все вокруг меняется, так же как мы плывем, а не стоим на месте, – назидательно произнес старший товарищ.

– Еще недавно она говорила, что вернется и мы будем вместе. Как кому-то вообще можно верить, если в обещаниях нет правды?

– Все просто – не связывай свой покой с другими людьми.

– После твоих слов мне кажется, что мы живем в полнейшем хаосе, где нет никаких правил – все меняется и утекает сквозь пальцы.

– Смотри, ты уже начал что-то понимать.

Прошла еще четверть часа, в небе появились молнии, и поднялся сильный ветер. Голоса людей смешались с голосом стихии.

– Помнишь, я обещал, что достану тебе ракушку с моря? Не получилось. Люси пыталась, но ей не хватило на это времени. Если приложить ракушку к уху, можно услышать шум волн. Они все еще будоражат мне душу.

Отец говорил о море, и его подбородок сжимался, а глаза становились красными от напряжения. Мужчина не любил об этом рассказывать и нарочно скрывал, что с морем была связана вся его прошлая жизнь. Даниэль это сразу понял, но не подавал виду. Для удивительных историй еще не настало время, но мальчик был уверен – он обязательно услышит их от отца. Нужно только подождать.

– Теперь нам точно пора домой.

Он не любил повторять сказанное по несколько раз и никогда не повышал голоса. Отец каждый раз ждал, пока Даниэль вдоволь насидится на берегу и будет готов пойти.

Торопливость – худшее, что он мог привить своему ребенку. Познать миг, раствориться в мгновении – это особенный дар, которого лишают, заставляя гнаться за суетой. Он считал, что если кто-то в действительности хочет где-то оказаться, то у него нет шанса опоздать.

Даниэль задрал голову вверх, и первая капля дождя упала ему прямо в глаз. Промчалась яркая молния, но грома было не слышно.

ГЛАВА 2

За два с половиной года до первого рабочего дня Чарли

Холодные камни нагревались от лучей палящего со всех сторон солнца, дул сильный ветер, на теле появились мурашки. Шел второй месяц лета и второй год, когда не хотелось возвращаться домой.

Жизнь казалась прекрасной – перед глазами румянец Ребекки, ее волосы небрежно разбросаны по плечам, а в ушах блестят разноцветные сережки. Если хорошо присмотреться, в них можно уловить свое отражение, но лучше этого не делать – веселье длилось несколько дней подряд, и было страшно представить, что можно рассмотреть в этом маленьком кусочке металла.

Оглядевшись по сторонам, Ребекка начала судорожно искать разбросанную по берегу одежду. Надев майку с разноцветными принтами и шорты в цветок, она отряхнула ноги от засохшего песка и, не обращая внимания на свое нежелание возвращаться к реальной жизни, опомнилась.

– Который час? – воскликнула девушка. – С тобой я теряю счет времени, ты очень плохо на меня влияешь!

– Значит, никакого завтрака вместе?

– Еще чего! Какой сегодня день? Мне нужно сообщить бабуле, что со мной все в порядке.

Каштановые волосы тут же обрели форму, сережки перестали блестеть, и лицо Ребекки из расслабленного превратилось в напряженное. Глаза девушки были необычного кофейного цвета, и если верить ее словам, такой цвет достался ей от бабушки. В разговорах с людьми, неважно, был это первый встречный или некто хорошо знакомый, она часто ее упоминала.

Бабушка Ребекки – Софи, родом из маленького французского городка, воспитывала девочку одна, заботясь о ней с самого детства. Когда в 16 лет Ребекка решила уехать из дома навстречу приключениям и свободе, бабушка ее поддержала, благодаря чему сумела занять столько места в историях своей любимой Ре. Так она ее ласково называла. Когда Ребекке было четыре года, она сидела на полу, смотрела в зеркало, и, глядя на свое отражение, улыбалась и повторяла: «Ре, ре, ре», хлопая в ладоши. Бабушка садилась рядом, обнимала девочку и повторяла: «Будь счастлива, моя дорогая, только будь счастлива».

Ребекка росла в любви и постоянном внимании. Софи во всем ее поддерживала, и, несмотря на большую разницу в возрасте, они больше походили на хороших подруг. Любовь к свободе и независимости, отсутствие условностей и отвращение к спокойному образу жизни – вот что их объединяло. Будучи свободной в своих действиях, Ребекка считала священным долгом необходимость отпрашивать бабуле открытки, где бы она ни находилась. Открытка с теплыми пожеланиями обычно звучала так:

Дорогая бабуля!

У меня все хорошо. Береги себя. Люблю и обнимаю. Твоя Ре.

– Я рад, что могу видеть тебя такой заботливой, – умилялся Чарли, глядя на нее. – Я готов ждать этого хоть целую вечность.

– О чем ты говоришь? Не будь таким скучным! – взбунтовалась девушка.

– Мне нравится, когда ты думаешь о других, а не только о себе. Когда я впервые тебя увидел, мне показалось, будто на меня с бешеной скоростью мчится поезд, а я не могу или не хочу уходить с рельс, хотя понимаю, что буду полностью раздавлен им и уничтожен. Иногда мне кажется, что я только и делал, что ждал этой встречи всю жизнь.

– Если бы я тогда тебя не сбила, ты бы так и лежал где-нибудь один и ел чечевицу.

– Но я не люблю чечевицу! – возмутился Чарли.

– Ах да, забыла добавить – и читал бы свои неинтересные книги. Может, поэтому мой поезд тебя и сбил, что ты ничего вокруг не замечал? А ведь ты даже куда-то ходил и что-то делал, но ничего из этого не приносило тебе удовольствия. Ты относился к своей жизни как к монотонному часовому механизму: в тебе не было эмоций, а значит, не было и жизни. Поэтому ты и вышел на рельсы в ожидании поезда, чтобы скорее закончить все это. Об этом ты не думал? Да я же тебя спасла!

– Я буду держать язык за зубами, чтобы тебя не расстроить.

– Скажи лучше, как ты считаешь, я смогу стать по-настоящему знаменитой? Такой знаменитой, чтобы обо мне знал каждый? Все бы только обо мне и говорили, улыбались при встрече, открывали двери и приносили бесплатное пиво. А больше всего я мечтаю о том, чтобы у меня хоть раз попросили настоящий автограф! – Ребекка мечтательно вздохнула и прикрыла глаза.

– Ты можешь дать свой автограф мне. Я не хочу, чтобы ты становилась знаменитой, но если это случится, что мне придется делать? С таким количеством внимания у тебя не останется на меня времени.

– Ты будешь мне помогать! Например, станешь моим охранником и будешь всегда рядом. Посмотри на себя – ты же вылитый телохранитель! – Ребекка делала вид, что не замечает всех недостатков.

Она пустилась в припрыжку и начала считать вслух, загибая пальцы на руке.

– Вот смотри сам! Раз – ты надежный, два – ты молчаливый, три – ты спокойный, четыре – ты внимательный. Вот только сильным тебя не назвать, но у нас еще есть много времени! Как только появится хоть маленькая надежда на мою популярность, ты сразу начнешь заниматься спортом. Мы приведем тебя в порядок, и ты станешь самым лучшим в мире защитником!

– Насчет силы я бы с тобой поспорил, но не уверен, что мне удастся одержать победу, – сказал обиженно парень.

– Ладно-ладно, посмотрите, какой силач! Я знаю, ты в отличной форме, но я говорила совсем о другом. Понимаешь, я хочу, чтобы только от одного твоего взгляда все понимали, что ко мне лучше не подходить!

– Чего-чего, а такого в моих планах не было. С тобой вообще очень сложно думать о будущем.

– Но ведь и меня в твоих планах не было! – девушка рассмеялась.

– Пошли завтракать, пока вокруг не собралась толпа сумасшедших фанатов.

Больше всего на завтрак Ребекка любила есть круассаны, и всякий раз, делая заказ, она повторяла это как мантру. Сначала тихо, а потом громче, если вдруг ее не расслышали с первого раза. Голос Ребекки был громким, и сказанное в повторении не нуждалось.

– Когда ты станешь знаменитой, ты напишешь обо мне песню?

– Песню? Я не думала о том, чтобы становиться певицей, да и петь я не умею. Точнее, не люблю. Я же тебе рассказывала! После этого ты еще говоришь, что внимательно меня слушаешь.

– Такого ты не говорила! Я бы запомнил.

– Да? Может, это я не тебе рассказывала! Но есть у меня одна любимая мелодия, сейчас напой.

Ребекка замолчала и подняла голову вверх, так она искала вдохновения.

– Та-та-та-та-та, кажется, там было что-то такое! – на несколько секунд повисла тишина. – Да, точно так! Названия не помню, но она прямо запала мне в душу!

– У тебя самый красивый голос из всех, что я слышал! – Чарли улыбался и выглядел счастливым. – Ты будешь самой лучшей певицей!

– Вот что ты пристал?! Я же сказала, что не люблю петь.

Она соврала и опустила голову, прикрыв руками колени. Ребекка обладала прекрасным голосом, но вспоминать об этом не любила. О своем прошлом она неохотно рассказывала,

лишь изредка в разговорах упоминала о занятиях на скалах со своим братом. Все остальные разговоры, если они и были, посвящались ее дорогой бабуле. С самого раннего детства Ребекка была гибка умом и фигурой, и это пригодилось ей в жизни.

В ее голове яркими пятнами заиграли оттенки черно-белого прошлого.

– Я сказал, ты споешь для меня! Если не хочешь проблем, тебе придется смириться с ролью моей девушки на сегодня. Ты исполнишь для меня любую песню, которую я выберу – с этого мы начнем, а если мне захочется чего-то большего, будь готова это исполнить.

Неприятный мужчина с натянутой улыбкой сидел за столом. Он сбрасывал пепел прямо на пол и выкрикивал неприличные, но привычные для него фразы.

– Я вижу тебя здесь каждую неделю и знаю, на что ты способна, не прикидывайся, что не понимаешь, о чем идет речь. Мои ребята заплатят тебе намного больше, чем ты зарабатываешь здесь за месяц. Ты ни в чем не будешь нуждаться какое-то время, а если захочешь, тебе и вовсе не придется больше сюда возвращаться.

С каждой минутой напряжение возрастало, его правая нога начала судорожно стучать по старому деревянному полу, отбивая непонятные ритмы.

– Извини, но на сегодня моя смена закончена. Ты на время смотрел?

– Ты, наверное, не понимаешь, с кем разговариваешь. Я могу сделать так, чтобы твоей смены здесь больше никогда не было! Откажешься от моего предложения – больше здесь можешь не появляться. – Мужчина плюнул на пол. – Я знаю Жака, он должен быть мне благодарен, за ним числится огромный долг, он не рассчитается с ним и за всю свою жизнь. Такие, как ты – единственная его надежда. Благодаря моим стараниям здесь не работает уже пара десятков эсеницин, из-за которых его задница продолжает гореть.

Она любила ловить на себе посторонние взгляды, ей нравилось ощущать себя желанной. Внимание даже от таких мерзких типов доставляло ей удовольствие и давало силы придти сюда вновь и вновь.

Ребекка начала танцевать в барах сразу, после того как уехала из родного дома. Тогда ей исполнилось шестнадцать. Нужно было платить за квартиру, а денег ни на что не хватало. Бабушка предлагала посылать свои сбережения, но Ребекка не могла их принять. Все, что она тратила на алкоголь и развлечения, не должно было касаться никого, кроме нее самой. Она всегда расставляла приоритеты: разделяла семью и личную жизнь, если это было ей нужно. Она умело входила в роль хорошей девочки, которая так осточертела за всю жизнь. Ей хотелось бунта, но для протеста не было повода: никто ее не ограничивал и ничего не запрещал. А этот мальчишка был слишком мягким, чтобы коврик для обуви превратить в ковер-самолет.

– С тех пор ты ненавидишь чечевицу? – усмехаясь, спросил Джастин.

– Я тогда ее даже не пробовал! – фыркнул возмущенно Чарли.

– Нет ничего постыдного в том, что тебе нравится чечевица. Конечно, есть блюда гораздо вкуснее, но бывают и куда более отвратительные, например, мидии.

– Кончай издеваться!

– Знаешь что? – улыбнулся Джастин. – Она гораздо умнее тебя. Я уважаю тех, кто знает, чего хочет от жизни и, невзирая на мнение других, идет к своей цели.

– Я так расстроен, что еще немного, и я не знаю, что с собой делаю!

– Возьми себя в руки! Будешь? – Джастин достал из кармана мятую сигарету.

В детстве Чарли дал отцу обещание не курить, но в надежде, что это поможет, взял сигарету в руки.

– Надеюсь, завтра я об этом не пожалею.

Он не выдержал, и от резкого движения кружка разбилась об пол. Осколки рассыпались, образуя красивый узор. За дверью послышались шаги – кто-то услышал шум и решил проверить, что происходит.

– Вы – жалкие ублюдки, какого черта?! Какого черта вы здесь делаете? Вы на часы смотрели?!

Дуглас любил выступать на публику. Его любимая фраза про болванов встречалась почти в каждой из его речей, когда он был всерьез недоволен. Если бы он не был моряком, из него бы мог получиться хороший актер. Он мастерски вживался в роль и подходил к этому вопросу со всей серьезностью. Благодаря своей харизме он бы точно получил одну из престижных премий, и его фотография тут же стала бы украшением центральной площади городка, откуда он родом. Зная его характер, можно предположить, что он бы непременно внес деньги в городской бюджет и помог обустроить школьные классы, а еще оплатил бы сооружение городского памятника, на открытие которого съехались бы все местные репортеры. Играть на камеру он любил, а еще он любил коньяк хорошей выдержки.

– Что уставились?

Дуглас распахнул жилет, под которым была все та же серая кофта, достал из внутреннего кармана маленькую бутылку и приказал пить всякому, кто здесь находился.

– Так точно, капитан!

Стали слышны посторонние звуки: в каюту ворвался заспанный Люк. Он выглядел так, будто провел в беспамятстве несколько дней.

– Ой, как я вовремя!

– Вот только ехидничать здесь не надо! Сегодня мне пришло послание от Дидье, он просит меня принять участие в одном серьезном мероприятии. Оно состоится через три месяца, и нам нужно успеть завершить все дела до того времени. Вы будете нужны мне для подстраховки – для работы там будут свои люди. Эти ребята не знают счета деньгам и согласятся на мое единственное условие. Не люблю работать один в незнакомой обстановке. Это выводит меня из себя! – сказал по секрету Дуглас.

– А я думал, мы продолжим работать с Робертом, – удивился Люк.

– Я так и планировал, но я не могу отказать Дидье, он слишком много для меня сделал. Это неуважительно, и после пары таких отказов мы будем вынуждены сидеть без работы все оставшееся время. О его связях ходят легенды.

– А поподробнее?

– У меня пока нет информации, но если за этим стоит сам Дидье, не сложно догадаться, что речь идет о чем-то серьезном.

– Я обещал матери, что помогу разобраться с деньгами. – Люк взлохматил и так растрепанные после сна волосы.

– Люк, дружище, будут тебе деньги и семье твоей будут. Надо только потерпеть.

– Я очень на это надеюсь, ведь, связываясь с Дидье, мы потеряем Роберта, а он источник нашего дохода уже не первый год.

– Я с ним поговорю, но что-то мне подсказывает, что он уже в курсе происходящего.

Несмотря на возраст, Люк был полон романтических мечтаний – не тех, о которых пишут в любовных романах. Романтика чести – делать вопреки. Жертвовать своими интересами, полостью растворяясь и посвящая себя другим. К своей семье он испытывал самые теплые чувства, но это не могло продолжаться вечно, и он это понимал. На самом деле мужчина стремился лишь получить похвалу, всю жизнь он воспринимал как игру, где нужно зарабатывать баллы. Люк и подумать не мог, что даже с маленьким количеством очков можно быть любимым и нужным.

При свойственном Дугласу расчете он еще ни разу не обманул никого из своей команды, но намеренно сохранял интригу – это заставляло его чувствовать себя всемогущим.

– Я приготовил все, как ты любишь! Кажется, получилось неплохо, – Миллер вышел в коридор и крикнул так громко, чтобы было слышно в соседней комнате.

На столе стоял луковый суп, разлитый по тарелкам, и остатки вчерашнего пирога.

Суп был одним из простых блюд, и Миллер готовил его часто. По дому им помогала соседка, живущая напротив, – Люси, румяная женщина с широкой лучезарной улыбкой и грустными голубыми глазами.

Он часто ловил себя на мысли, что их общение было вынужденным, ведь в окружении Даниэля больше не было женщин. Они переехали сюда два года назад, и с тех пор Люси всегда была рядом, надеясь стать добрым другом для их небольшой семьи. Тогда ему так казалось.

Всякий раз, когда она приходила, то приносила пирог. Ненадолго, но ему все же удалось стать одним из любимых блюд Даниэля. Если за столом был пирог, значит, за ним будет и Люси, но сегодня ее не оказалось. Хорошо, что она не пришла, ведь когда она слышала ругательства, то затыкала уши и выключала радиоприемник. Даже если в эфире никто не ругался, она не могла это терпеть, будучи слишком консервативной в своих взглядах. Больше всего Люси не любила, когда кто-то имел мнение, отличное от нее.

– Ты не расстроился, что Люси не пришла? – спросил отец. – Она неважно себя чувствует. Думаю, мне нужно ее навестить.

Миллер не испытывал к Люси романтических эмоций, но чувство благодарности бурлило и кипело внутри, желая вырваться наружу и увидеть свет. С раннего детства родители учили его, что нужно уметь быть благодарным. Ему нравилась Люси, но он по-прежнему считал, что она ходит сюда напрасно. Вероятно, долгое время она пыталась себя убедить, что ни на что не рассчитывает и единственное, что ей остается – это быть рядом, не требуя ничего взамен.

Мне нравится, как готовит отец, но сегодня мне не хочется есть, с вечера живот все еще полный. Сегодня отец обещал сходить со мной в секретное место, но я видел, как с утра он чистил свои ботинки – это значит, что у него есть другие дела. Я заметил: когда он чистит ботинки, то уходит куда-то взволнованный и хмурый, у него трясутся руки, и подборок становится еще более вытянутым. Мне очень любопытно, куда он ходит, но я не буду следить за ним, ведь мы с ним друзья, а друзья должны доверять друг другу.

Ложка играла и переливалась серебром. Если присмотреться, в ней можно было увидеть свое искаженное отражение – там отражается истина, которую все так старательно ищут. Даниэль нравился себе в отражении старой ложки. Этот комплект им подарил старый товарищ отца. Даниэль не заметил, какое у него лицо, но хорошо запомнил неуклюжую походку и большой живот, который с каждым приездом становился все больше. Кроме этого, мальчик обратил внимание на прическу – волосы были собраны в аккуратный хвостик. Ему она очень понравилась, так ходить себе позволяли только приезжие. Мужчина жил в большом городе в полном достатке, и чем полнее становился его достаток, тем реже случались его встречи со старым другом. Ложки – это последнее, что он после себя оставил. Интересно, как глупо он бы сам в них смотрелся? Если бы он увидел свое отражение, то тотчас бы разлил полную тарелку супа на свои новые брюки и закричал, да так грубо, что будь Люси рядом, она тут же бы заткнула ему рот. Отец говорил лишь о том, что его приятель за годы знакомства полностью изменился, как будто его подменили, а раньше они хорошо общались и были друзьями.

– Я скоро вернусь.

Миллер накинул на плечи куртку, надел до блеска начищенные ботинки и захлопнул за собой дверь. Из окна было видно, как он стоял на крыльце и поправлял воротник клетчатой серо-зеленой рубашки. На самом деле ему было безразлично, что подумает Люси, но, несмотря на свою отстраненность и холодность, решил дать себе шанс.

Вместе с хлопком входной двери ложка с остатками супа упала на пол. Даниэль поднял ее, протер тыльной стороной ладони, постучал по столу и уставился на нее, проверяя то ли на чистоту, то ли то, не изменилось ли его отражение. На ложке появилась шерсть соседской собаки – Иззи. Она любила прятаться здесь, пока хозяйка встречала гостей или устраивала шумные вечеринки. Иззи девять лет, и она любит проводить время в тишине. Специально для

нее Миллер принес из мастерской старый коврик, а Даниэль купил в магазине миску для воды. Иззи была здесь частой гостьей, особенно по выходным. И, надо сказать, ей такая компания нравилась.

Дом у Люси небольшой, и снаружи ничем не выделялся, но внутри все было настолько аккуратно, что создавалось впечатление, будто находишься в музее. Отделанный коричневыми панелями фасад, два этажа, а на крыше флюгер с петушком.

Прежде чем постучать, Миллер постоял перед дверью несколько минут, а затем неспешно подергал ручку и, не ожидая такой быстрой реакции, удивился, так как дверь тут же открыла Люси, словно ждала момента, когда он решится.

Она была в домашней одежде с тряпкой в руках. Как всегда, женщина занималась уборкой, которая, по ее представлениям, должна была быть бесконечной. Как только у нее появлялась свободная минутка, а руки были не заняты, она хваталась за тряпку и терла с такой силой, как будто пыталась стереть свое прошлое и протереть дыру в будущее в надежде заглянуть вперед и посмотреть, есть ли там то, ради чего ей приходится терпеть все сейчас с ней происходящее. Проходить в дом хотелось все меньше.

– Я приготовил суп по вашему рецепту, а вы не пришли. Все еще плохо себя чувствуете? Даниэль про вас спрашивал.

Ему совсем не хотелось приходить к Люси, но так было принято. Если человеку нездоровится, нужно ему помочь. Люси всегда заботилась о Даниэле и заслужила внимания. Миллер стоял у порога и чувствовал себя неловко: одна нога начала непроизвольно пританцовывать в сторону выхода, а другая изображала опору. Казалось, что стоит ветру чуть увеличить скорость, как она тут же подкосится, и он с грохотом растянется у двери.

– Я приятно удивлена. Стоит ли говорить, что мне очень приятно. Даниэль правда расстроился, что я не пришла? Я думала, он не заметит. Какой заботливый мальчик!

– Он всегда замечает подобное, пусть вам не кажется это столь странным.

– А что же мы так и стоим? Заходите, я заварила чай, если вы не торопитесь, – заволновалась Люси.

– Мне очень жаль, но у меня совсем нет времени. Пожалуйста, поправляйтесь.

Миллер неуверенно хлопнул дверью, спустился по невысоким ступенькам, завернул налево у большого столба и сел на крыльце заброшенного соседского дома. Его чистые ботинки сверкали под полуденным солнцем.

– Не выходит, – пробубнил он себе под нос.

ГЛАВА 3

Ребекка расчесывала мокрые волосы, внутри нее все сжималось как скрученная пружина. Ей хотелось забыться и прямо сейчас оказаться в другом месте, чтобы в очередной раз не выслушивать порцию нравоучений, которыми он ее одарит. Солнце лениво заглядывало в окно, на хрупких руках резвились солнечные зайчики.

– Можно войти? – с осторожностью сказал Чарли, открыв дверь.

– Конечно, заходи.

Ребекка скиталась по разным квартирам с такой скоростью, что поймать ее было невозможно. Стоило только запомнить один адрес, как она тут же переезжала на другой. Как потом выяснилось, это была квартира ее подруги. Хотелось верить словам девушки, но не было никаких сил, а опыт подсказывал, что делать это не нужно. Общение давалось ей просто, Ребекка могла найти контакт с любым человеком, не прилагая серьезных усилий, это было чем-то дарованным свыше. Еще днем не зная кого-то, вечером она могла оказаться в его квартире или при других обстоятельствах в постели.

– Что случилось на этот раз? Ты опять вляпалась в неприятности?

Чарли преувеличивал, но если Ребекка начинала разговор с фразы «конечно», не добавляя ничего ироничного и смешного – дело было серьезным. И в его памяти яркими красками заиграли воспоминания от последних таких разговоров. Один раз она задолжала крупную сумму денег, в другой раз ее арестовали, когда она на спор украла печенье. В тот день их вызвали на допрос, где они провели несколько часов, а потом она назвала одного мужчину толстым, и они бежали несколько кварталов без перерыва на шаг. И все эти ситуации начинались с незамысловатого «конечно» – конечно, можно; конечно, ведь терять ей было уже нечего.

– Мне нужно будет уехать на несколько дней, большего пока сказать не могу. Встретимся на нашем месте сразу, как я вернусь. И не нужно так на меня смотреть! Мне приятно видеть твою улыбку, Чарли, а этот замученный взгляд тебе не идет.

– Зачем тебе это нужно? Неужели ты совсем не знаешь, когда вернешься?

– Я же сказала – не знаю. Разве это так важно, если на кону мое будущее? Тебе есть чем заняться! – Ребекка начала злиться. – А если нечем – найди, пока окончательно не сошел с ума.

– С ума можно сойти, только если продолжить общение с тобой. – Чарли нахмурился и отвернулся в другую сторону.

– Надеюсь, это был комплимент!

– Даже и не надейся.

– Я устала. Давай скорее закончим этот разговор. Как только я вернусь, ты узнаешь обо всем первым, обещаю.

– Когда тебе нужно уехать? – расстроился он.

– Сейчас приведу себя в порядок, волосы еще мокрые.

На самом деле мокрые волосы не мешали Ребекке, ей мешал Чарли. Как бы он ни старался, у него не получалось самого главного – не докучать ей. Он вечно суетился, попадался под руку, окутывал излишним вниманием и заботой. Он был полной противоположностью пьяным мужикам из кабака, где она в шестнадцать лет пела практически без одежды. Они выкрикивали грязные слова, а она ловила себя на мысли, что ей это нравится, но смена обстановки была необходима как воздух, если оказываешься в замкнутом пространстве надолго. Чарли был совершенно другим, готовым ради нее на все, и это быстро ей надоело, становясь пресным. Он пытался меняться, но видимая внешняя сила не умаляла внутренних эмоций. Его переживания были настолько сильны, что разрывали броню, которую он так долго пытался выстроить вокруг себя. Она боялась его сломать и уничтожить, если будет неаккуратна.

– Хорошо, поезжай. Вдруг у тебя и правда что-то получится. Я не могу лишиться тебя свободы, – вздохнул Чарли. – Только представь, что я стану виновником твоей несбывшейся мечты. Однажды, через много лет кто-нибудь спросит тебя о том, все ли твои желания осуществились, а ты только и сможешь ответить: «Не все». А на вопрос «почему» прозвучит, как ответ, мое имя.

– Не слишком ли ты много на себя берешь?

– Опять ты за свое?

– Ладно! Ты сильно расстроился? Только отвечай честно!

– Нет. Я привык к тому, что ты внезапно появляешься и внезапно исчезаешь, – соврал он. – Мне кажется, я сумел к этому приспособиться.

– Если и так, то я тебя всегда предупреждаю! – одернула Ребекка.

Изо всех сил он старался делать вид, будто его это не волнует. Их общение было похоже на американские горки – затишье сменялось вулканом обжигающих эмоций. Она исчезала, когда хотела, и появлялась, когда ей что-нибудь было нужно. Деньги ее не интересовали, но отчего-то она делала вид, будто страстно их желает. На самом деле она возвращалась за вниманием и заботой. Раньше, чтобы соскучиться, ей хватало и нескольких дней, но в этот раз она вернулась, когда ждать уже было нечего.

На палубе наступило тихое воскресное утро, ветер сменил штиль. Тишина окутала все видимое пространство.

– Что ты все время пишешь?

– Ты очень внимательный, но это не твое дело, Чарли. Это точно не любовные записки, о которых ты целыми днями мечтаешь, – Джастин хотел как можно скорее сменить тему.

– Не хочешь – не говори.

Он молчал и не обращал на Чарли никакого внимания.

– Скажи хотя бы, где тебе удалось достать такую красивую ручку? Мне она сразу понравилась.

– Этот подарок – самая ценная вещь в моей жизни.

– Значит, не подаришь?

– Нет, я же сказал. Однажды мне уже снилось, что я ее потерял. Проснулся в поту – весь мокрый. Это был плохой сон, а ты предлагаешь мне превратить его в явь, – с досадой в голосе произнес Джастин.

– Да, пожалуй, ты прав. Теперь мне тоже хочется иметь что-то настолько же ценное! – Чарли оживился и начал шарить по карманам, пока не достал оттуда маленький камень.

– Смотри, что я нашел! Это же камень силы!

– И давно он лежит у тебя в штанах? – рассмеялся Джастин. – Будет твоим талисманом.

– Нет! Я хочу подарить его тебе. Кроме писем от Ребекки, у меня ничего нет, но их я не отдам, да и не нужны они тебе, а вот камень силы точно пригодится.

– Чарли, ты – настоящий волшебник, – Джастин улыбнулся и сжал подарок в кулаке.

Вчера ночью компания разошлась, когда Люк начал показывать свой коронный танец, его он выучил благодаря младшей дочери. У него было три дочери, и он этим очень гордился – семи, девяти и пятнадцати лет. Узнав, что у Люка большая семья, люди делятся на две категории. Одни усмеваются и восклицают: «Теперь понятно, почему ты постоянно в отъезде, здесь им до тебя не добраться!», а вторые удивляются, как можно находиться столько времени вдалеке от дома: «Бедная жена – святая женщина!» – восклицают они.

Жена Люка – Валери, на семь лет его младше. Они познакомились случайно в общей компании друзей, Люк поразил ее своей харизмой и непосредственностью. Это у него хорошо получалось, он умел производить впечатление на девушек, хоть специально к этому никогда не стремился. Спустя десять лет после знакомства они поженились. Друзья докучали с вопросами

– зачем так долго тянуть со свадьбой, особенно переживали подруги невесты, успокоить их было невозможно. В эти времена Валери и Люк мыслили одинаково и считали свадьбу неважным событием, которое ни на что не влияет. Отсутствие обручальных колец не мешало им наслаждаться жизнью и любить друг друга, но, надо сказать, в итоге они все равно поженились. Свою семейную жизнь Люк считает счастливой, хотя уделять внимание другим девушкам ему нравится и сейчас, он не отказывает себе в этом удовольствии при любом удобном случае.

– Дуглас вчера сказал, что скоро нас ждет один важный заказ, если он сумеет договориться и уладит все вопросы вовремя, а не как обычно.

– До этого еще далеко, поэтому не обольщайтесь заранее. Вы же знаете Дугласа, он любит преувеличивать, когда еще ничего неизвестно. Пока нет никаких подробностей и договоренностей! Мало трепать языком просто так, – возмутился Люк.

– Давно хотел спросить! Люк, а ты скучаешь по дому?

– Конечно, скучаю, Чарли, но еще больше я скучаю по морю, когда нахожусь дома. Особенно если приходится мыть посуду или делать домашнее задание с детьми.

– Скучать – абсолютно нормально. Я завидую вам, ведь вам есть по кому скучать в своем настоящем. Только сейчас я понимаю, как много это значит и для меня, – вздохнул Джастин.

– А ты скучай по отсутствию скуки! Как я завернул, а? – Чарли расхохотался и уставился на друзей.

– Посмотрите, кто у нас оживился. Чарли, ты неотразим! – поддержал его Джастин.

– Если бы я мог, я бы поменялся с тобой местами. Я бы хотел никогда ни по кому не скучать.

– Так не бывает. Люди всегда скучают по тому, с кем хотят встретиться, и по тому, кого им не хватает. Не удивляйся, если однажды столкнувшись с тем, что так долго желаешь, ты потеряешь интерес в считанные секунды и не испытаешь сильных эмоций.

– Неправда. Всегда, когда я вижу Ребекку, я ощущаю счастье. Оно отзывается трепетом в теле, разливаясь по нему волнением и теплом.

– Чарли, ты правда считаешь, что мы хотим снова тебя выслушивать? – недовольно сказал Люк. – Я уже сыт по горло твоими рассказами.

– А что мне еще остается, вы – мои единственные друзья.

– Пусть говорит, ему нужно выговориться. Мой тебе совет – сначала разберись в себе, а потом думай о ней и, я тебя умоляю, не забегай вперед, – продолжил Джастин. – Тебе нужно время, чтобы суметь это пережить.

– Не знаю, о каком времени идет речь, но точно знаю, что сейчас время обеда! Пошлите на кухню, живот рычит как старый мотор лодки, что десять лет стояла у моего отца в гараже. И ведь работала же!

– И правда – пора. Чарли, поднимайся, в кой-то веки Люк дело говорит.

Миллер ушел от Люси днем, но домой вернулся лишь к вечеру. Все это время он просидел на крыльце и курил одну за другой сигареты, вспоминая своих старых товарищей. Хотелось выпить, но он себе этого не позволял. Эти правила Миллер соблюдал еще и потому, что в их городке считали, чем беднее семья, тем сильнее от нее пахнет спиртным. Ему не хотелось слушать, как местные шепчутся о том, что у них в семье все плохо с деньгами.

В молодости он мог выпить намного больше, чем сейчас могут предположить многие. Походы к друзьям случались нечасто, точнее, не случались никогда. Друзей у него не было, и Миллер бы и рад их не заводить, но когда Даниэль подрос, то начал задавать много вопросов, ответы на которые найти не удавалось. Ради этого отец даже завел знакомство с компанией других мастеров, но по счастливой случайности их встречи проходили в вечернее время, когда Даниэлю нужно было ложиться спать. Он был еще слишком мал для таких посиделок, а остав-

лять его с Люси совсем не хотелось, поэтому с новыми знакомыми Миллер встречался нечасто, что его, несомненно, радовало.

Когда он вернулся домой, его ботинки по-прежнему блестели, сохраняя товарный вид, и это несмотря на то, что он носит их уже не первый год. Он бережно относился к вещам, и они в благодарность носились долго, несмотря на ежедневную работу в мастерской.

Даниэль сидел на полу и срисовал с плаката бежевый «пежо». Плакат принесла Люси, когда в прошлый раз ездила в город к своей сестре Кристине. Кристина – родная сестра Люси, она вышла замуж в восемнадцать лет, и с тех пор они встречаются на единственный праздник – годовщину свадьбы родителей. Ни годовщина их смерти, ни дни рождения – ничто другое не заставляло сестер видаться и общаться друг с другом чаще. Такой странный выбор сделала Кристина, она свято верила в институт брака и всеми силами старалась его почитать, отрекаясь от других сфер своей жизни. Люси же ничего не оставалось, как смириться и принять этот странный выбор.

– Я был у Люси, она чувствует себя гораздо лучше, отдал ей суп – сказал, что мы вместе его готовили. Ей было приятно, и, кажется, она удивилась и даже несколько раз улыбнулась. Мы здорово провели время – много шутили и смеялись. В конце недели я еще раз загляну, если ей не станет лучше.

Миллер не любил и не умел врать, но ему казалось, что добрые отношения с Люси делают мальчика счастливее.

– В детстве я тоже любил рисовать, но у меня получалось плохо, тогда друзья научили меня раскладывать карты. Помнишь, я обещал тебя научить? Сыграем вместе, когда вырастешь, если еще захочешь проводить время со своим стариком.

Отец редко шутил, и его шутки звучали так, будто их зачитывал монотонный голос переводчика на аудиокассете: смысл понятен, но эмоции уловить сложно. Раньше его голос был звонким, пропитанным иронией, но с годами она исчезла, и ее сменили другие, куда более спокойные эмоции. За все годы ему удалось сохранить одно – свою стойкость. Остальные чувства шли в строю ровным шагом, словно к их ногам привязали тяжелые гири, которые не позволяли им вырваться и разбежаться в разные стороны. Жизнь заставила его связать себя в толстый пучок проводов, их обесточили, но благодаря воле и сдержанности он сумел сохранить себя.

Иногда мне нравится проводить время с Люси, правда, она девчонка, хоть и большая, и ее игры напоминают девчачьи. Вместе мы ни разу никуда не ходили, я даже не помню, когда был последний раз у нее в гостях, она всегда приходит к нам, и раньше я думал, что ей это нравится. Совсем недавно я увидел, как она плачет. Может быть, у нее что-то случилось. Я удивился. Отца не было дома, а Люси пришла забрать свои вещи, и еще она купила мне шоколад. Я сидел на полу в гостиной, перебирал коллекцию монет, которые нашел у отца, потом услышал странные звуки в комнате. Когда я пошел посмотреть, что там происходит, то увидел Люси: она сидела на полу, поджав колени к груди, рядом с ней лежала коробка. Мне показалось, что в ней книга с рецептом яблочного пирога, потому что на коробке были нарисованы яблоки, а на следующий день мы ели яблочный пирог. На Люси была синяя юбка и кофта, а на плечах висел платок, тоже синий. Еще один платок был у нее на голове, хотя раньше она носила там заколки. Странные они – девчонки.

Ребекка вернулась, когда Чарли уже не надеялся, но продолжал ждать. С их последней встречи прошло ровно два месяца. Девушка пришла на их место, как всегда в четверг, но этот четверг был не обычным четвергом, он был четвергом возвращения. В отличие от Ребекки, Чарли приходил сюда каждый раз, хотя в пору было заниматься другими вещами, которые в этом возрасте интересовали молодых людей. Он сидел на берегу и как ни в чем не бывало кидал в воду камни. Его спина все еще казалась хрупкой, а руки – тощими. Ребекка подошла сзади, закрыла ладонями глаза и вскрикнула необычно высоким голосом:

– Соскучился? Это тебе!

Из-за спины она достала цветок, сорванный с клумбы, и осторожно провела по его загорелым рукам.

– Смотри, какой красивый! Наткнулась на него по дороге.

Девушка нарочно делала вид, будто ничего не происходит. И в самом деле – для нее ничего особенного не происходило. Она была созвучна себе и действовала в своем репертуаре.

– Ребекка!

Он вскочил и обнял ее за плечи. Было слышно, как колотится его сердце. На минуту ей показалось, что оно использует свои последние ресурсы и вот-вот остановится.

– Я бесконечно рад! Где же ты пропадала? С тобой все хорошо?

Было тяжело, но Чарли старался быть сдержанным. В конце концов, нет ничего необычного в том, что девушка, которую он бесконечно любит, пропала на два месяца, а потом вернулась и как ни в чем не бывало маячит у него перед глазами сорванным цветком. Он часто задавал себе вопрос: «Почему она бросила все и уехала?», а потом сам же отвечал на него: «Потому что она хотела этого больше всего на свете». От ненужного понимания его губы сжались, а руки, не слушаясь, начали перебирать камни.

– Конечно! А ты что себе выдумал? Лучше бы ты верил, что мои дела пошли в гору, и мне просто нужно больше времени, чтобы уладить все возникшие вопросы!

– Я так и думал, а потом мысли сами потеряли ход.

Ребекка ничего не говорила. Она никогда не отчитывалась, куда она поехала и зачем. Ждать ее – это как ждать, что море вернет сережку, сорвавшуюся с уха во время купания. Однако Чарли смотрел ей в глаза, и ему все еще казалось, что в ее густых кудрявых волосах можно укрыться от самого сильного шторма. Это всего лишь непогода, которую нужно переждать.

– И вообще, у меня для тебя сюрприз! Ты же хотел песню? Будет тебе песня, точнее, не песня, а танец! Я тебе такой танец станцую, ты будешь сражен наповал!

– Какой еще танец? – Чарли был удивлен. – Ты же говорила, что не умеешь танцевать?

– Я и сама так думала, но, оказывается, мне нужно просто больше времени.

– Больше времени на что?

– Больше времени для тренировок, – Ребекка начала злиться. – На одном из смотров мне сказали, что танцую я хорошо. Понимаешь? Мной на самом деле заинтересовались! Это мой шанс, это наш с тобой шанс!

– Я не хочу быть известным. Публичность – это не для меня, – буркнул парень.

– А каким ты хочешь быть?

– Об этом я не думал, но я знаю точно – слава и деньги портят людей.

– Где ты этого понабрался? Неужели твоя матушка так говорила?!

– Об этом все говорят. И я заметил это, когда твоя бабуля прислала вторую открытку подряд. Значит, ты не писала ей все время, пока была в отъезде.

Чарли не хотелось обсуждать это, и он почти вошел в поворот, обходя эту тему, но она снова его зацепила. Он винил себя за то, что придирался к ней. Эмоции переполняли, и пульс отбивал такт у виска.

– У меня было много дел! А ты мог бы и ответить, ей вредно волноваться.

– Я ответил – написал, что все хорошо и предыдущая открытка, вероятно, затерялась на почте, поэтому не дошла.

– Ты такой внимательный! Люблю тебя! – Ребекка небрежно поцеловала его в щеку.

Она сказала о любви, не подумав, но тогда она не врала. Она действительно любила его – как брата, друга, помощника и самого близкого человека, который всегда был рядом, когда ей этого хотелось. Они любили друг друга, но каждый своей непонятной другому любовью.

Он не придавал ее словам никакого значения, изо всех сил старался не придавать, но тепло разливалось внутри с бешеной скоростью.

– Я устал здесь сидеть, пока ждал тебя. Может, немного пройдемся?

– Ты что, так и сидел здесь все это время? – Девушка провела острыми ногтями по плечу

Чарли.

– Это совсем не смешно! – он одернул руку. – Иногда мне кажется, что ты только и делаешь, что пытаешься меня задеть.

– Я думала, ты поможешь мне собрать сумку. Мне снова нужно будет уехать.

– Но ты только что вернулась! – парень не мог поверить своим ушам.

– Это для нашего будущего, сколько можно повторять? Не будь таким занудой!

– Я не такой безответственный, в отличие от тебя.

– Не собираюсь спорить. Хочу тебя попросить, пока меня не будет, отправлять открытки моей бабуле. Меньше всего я хочу, чтобы она расстраивалась по пустякам.

– Обещаю, но с одним условием.

– Где ты этого понабрался? – рассмеялась Ребекка. – Если они меня устроят – я согласна, а если нет – придется попросить Робби, пусть он возьмет это на себя. Не люблю, когда на меня давят и шантажируют!

– Расскажи лучше, что это за работа и куда ты уезжаешь. Я хочу знать все!

– Я же сказала, что буду танцевать! Завтра у меня важный день, я поеду с Жераром, он заедет за мной через пару часов. А куда – я пока не представляю, мне ничего не сказали. Это известная компания, знаю только, что у них много баров и клубов в разных странах и городах, как только буду на месте – сразу дам знать.

Ребекка не хотела сама отправлять открытки домой – ей было стыдно. Девушка прекрасно понимала, что работа, о которой она рассказывала Чарли, совершенно не та, о которой она мечтала. Она не была наивной, но рассчитывала, что это первый шаг на пути к ее цели. Цели стать знаменитой? Нет. Цели стать желанной, и если не всеми, то многими.

В кают-компании пахло так вкусно, что после тяжелого разговора снова проснулся аппетит.

– До чего вкусно! – Люк гладил свой круглый живот.

– Приятного аппетита, ребята!

Вот уже десять лет Дэвид готовит здесь пищу. Эту работу парень выбрал не случайно – с раннего детства он помогал старшему брату, а после пошел по его стопам. Из самых простых продуктов он мог приготовить вкуснейшее блюдо.

В дверях появился Дуглас, но, заглянув, исчез так быстро, что ложка не успела и рта коснуться. Обычно он выходил на запах одним из первых и, несмотря на возможные привилегии, любил есть вместе со всеми, не отделяясь от коллектива.

– Неужели не в настроении? – засуетился Чарли.

– Может, что-то случилось?

– Слушай, Чарли, ты просто король драмы! – Люк похлопал парня по плечу. – Ничего не случилось, ты что, Дугласа не знаешь? Не досчитался денег в своем кармане, теперь ищет виновного! А сам проиграл их в карты или потратил, да сам забыл на что.

– Я думал, ты лучшего мнения о людях.

– Если бы это было впервые, я бы еще поверил!

– Смотрю на вас и думаю – Люк, а ты бы мог стать для Чарли хорошим отцом, – с усмешкой заметил Джастин.

– Чего-чего?

– А что? Сына у тебя еще нет!

– Придержи язык за зубами!

Дуглас вновь заглянул и, подмигнув, прошептал:

– Люк, Чарли, Джастин, зайдите ко мне через пару минут, есть разговор.

– Так точно, капитан!

– Интересно, чего ему надо? – едва слышно спросил Чарли.

– Кончайте этот ненужный треп, надо идти!

– Люк-Люк, не нервничай!

Когда дело касалось серьезных разговоров, Люк начинал волноваться, при этом пытаясь убедить всех совершенно в обратном. Он делал вид, что происходящее мало его волнует, хотя всей душой переживал, что очередной раз станет для него последним. На его счету было слишком много проблем.

– Хочу поговорить о нашей поездке, – сообщил капитан, когда друзья явились к нему. – У меня появилась новая информация – я окончательно договорился. Будем работать на лайнере одной известной европейской компании. Там будет закрытая вечеринка, подробности не разглашаются.

– Что еще за закрытая вечеринка? У меня жена, дети! Ты же знаешь, что мне не нужны неприятности!

– Люк, ты либо работаешь, либо нет. Я сам не до конца понимаю, что там будет происходить, но не могу отказать таким серьезным людям. Вы говорили, вам нужны деньги, а мне нужны вы. Со своей стороны, я возьму вас и еще несколько человек – мне нужна команда, которой я доверяю.

– Я готов, мне терять нечего.

– Вот ты, Джастин, и поедешь!

– Уверен, все будет в порядке.

– Боюсь, одного Джастина будет мало. Если вы откажитесь, у меня есть резервный штат, с ними я еще не разговаривал. Думаю, там точно найдутся желающие.

Чарли серьезно задумался. Он не любил, когда нет четкого плана и действовать нужно спонтанно, особенно в экстренной ситуации. Он вообще не любил ситуации, в которых нужно было быстро принимать решения, но, восхищаясь непоколебимостью и уверенностью Джастина, выронил едва уловимое «да».

– Я тоже готов поехать.

– Ну, а ты что думаешь, Люк? Решайся, иначе я возьму кого-нибудь другого. Могу дать тебе время до завтра – не дольше. Понимаю, что для тебя это решение непростое, ведь ты не сможешь уделить много времени своей семье.

– Была не была, я согласен! Иначе они без меня совсем заскучают. Гляньте на них, стоят столбняком! Хоть бы улыбнулись! Деньги, деньги, денежки, скоро вы будете у меня в кармане!

ГЛАВА 4

Что происходило с Люси, когда она сидела в кухне, а по ее щекам текли слезы, было до сих пор неясно, никто и не пытался это узнать. Со стороны это похоже на торнадо, он ворвался к ней в душу и вывернул наружу все то, что она так старательно прятала все эти годы. О ее прошлом мало кто знал, Миллер не любил говорить о себе, и ему было не интересно, чем жил другой человек последние несколько десятилетий.

Наступил вторник.

У меня есть два хороших друга, я познакомился с ними в парке. Они учатся в школе напротив. Франсуа и Лео – кузены, и я очень рад, что они взяли меня в свою компанию. Я понравился им сразу, как только мы в первый раз встретились, они сами об этом сказали. Тогда был конец лета, на улице стояла хорошая погода, я немного нервничал из-за перевода в новую школу, и отец дал мне с собой камень силы. Он сказал, с таким камнем я стану сильным и уверенным, другие сразу заметят это и не будут ко мне приставать. Этого я боялся больше всего, у меня уже было такое в прошлой школе. Я спрашивал у отца, откуда он его взял, но он ничего не ответил, сказал только, что камень подарил волшебник. Его уже нет на этой планете, но самое ценное, что у него было, находится внутри этого камня. В новой школе мне нравится больше, чем в прошлой. Мы переехали сюда два года назад, что оказалось для меня неожиданным. Все произошло очень быстро: за несколько дней до того, как отец мне сказал о переезде, он выглядел очень задумчивым, мы даже перестали читать перед сном. Я сам хорошо умею читать, но во взрослых книжках мне попадаются непонятные слова, отец помогает мне их понять. У меня даже есть специальная тетрадь, куда я их записываю, там уже исписана половина листов. Я раскрасил обложку в зеленый – это мой любимый цвет. Иногда со мной приходит заниматься Люси, но мы все равно делаем что-нибудь другое: рисуем, играем в игры или убираемся. Больше всего мне нравится приходить из школы, оставлять дома портфель и идти гулять с друзьями. Хорошо, если дома отец, тогда я точно знаю – когда я вернусь, будет вкусно пахнуть едой. Он специально готовит для меня. Однажды в школе мы писали сочинение о том, что такое счастье. Я не знаю, что такое счастье, но оно очень похоже на вкусный ужин в месте, где тебя кто-то ждет.

Место учебы было рядом с домом, поэтому Даниэль ходил туда один. Школа, в которой учились Франсуа и Лео, находилась неподалеку. Друзья жили в другом районе, их подвозил отец Лео. Даниэля это не расстраивало, ехать до школы на машине было недолго, а отец Лео был самым разговорчивым человеком из всех, кого он встречал. Сам Лео больше походил на мать – спокойный и молчаливый, он неплохо учился и любил играть в баскетбол. Однажды его даже выбрали капитаном школьной команды, но потом сказали, что ошиблись. У них в классе было два Лео, и они оба играли в баскетбол, но один Лео был сыном учительницы по географии. Она хорошо ладилась с учителем физкультуры, и их вечер в кафе сыграл решающую роль в принятии этого решения.

Даниэль любил школу, отдельные дни казались ему особенно хорошими – это были дни, когда он встречался с друзьями и играл в мяч. В своем классе друзей найти так и не удалось. О своей любви к футболу он не рассказывал отцу, тогда бы тот сразу начал суетиться, больше работать и делать все, чтобы Даниэль был экипирован не хуже других, в то время как ему просто нравилось гонять мяч с друзьями. Если мальчик начинал думать о профессиональных занятиях, ему становилось скучно. Любое увлечение можно испортить, если сделать его обязательным и по расписанию.

– Даниэль, давай отправим открытки Сандре и Шарлю. Они не присылали нам ничего уже целый год. Предыдущие письма могли потеряться. За год многое изменилось – у тебя появились новые увлечения и друзья, а у меня... У меня тоже все хорошо. Сандра и Шарль

будут тобой гордиться, если письмо снова не собьется с пути и они его все-таки прочитают. Я думаю, если бы они переехали и у них поменялся адрес, они бы нас предупредили.

Этих людей Даниэль не видел ни разу, но отец упоминал о них в разговорах с Люси. Иногда он просыпался от сна, вздрагивал, вспоминал об их существовании, и тут же доставал бумагу, и садился писать письмо в надежде наладить общение. Сандра и Шарль жили в соседнем городке и, несмотря на близкое расстояние, приезжать сюда не собирались.

– Может, ну их, эти открытки? Кого я хочу обмануть? Они заняты своими делами, и в их голове нет места для нас. Я совершенно не знаю, о чем писать, чтобы им захотелось ответить.

Миллер говорил сам с собой, а Даниэль делал вид, будто его не слышит. Он взял из шкафа книгу и пошел в свою комнату. В моменты, когда что-то было для него непонятным, он начинал читать. Миллер вышел во двор и закурил.

После того как договорились о предстоящей поездке, дышать стало легче, можно было расслабиться и переключиться на что-то другое. Слишком много важных событий случилось за короткое время.

– Чарли, расскажи нам, когда ты стал таким слюнтяем? – поинтересовался Люк.

– Вот это, между прочим, звучит очень обидно! – вспыхнул Чарли.

– Видел я таких, как ты. Это только с виду вы такие ранимые и чувствительные. За тобой глаз да глаз нужен!

– Думаю, тебе не на что рассчитывать, – вмешался Джастин. – Я уверен, Чарли не носит маски, под которой скрывается гроза всех преступников, иначе я плохо разбираюсь в людях.

– Вот объясни мне, Джастин, а как можно разбираться в людях, если ты с ними не общаешься?

– Ты приятный собеседник, только когда молчишь.

– Я и правда не понимаю! Это же какой слабый характер надо иметь, чтобы каждый вечер рыдать в подушку! – Люк качал головой.

– Не преувеличивай – никакой он не слюнтяй, у него просто сложный период.

– Я вообще-то здесь, если что! – напомнил о себе Чарли.

– Вот-вот, а я удивляюсь, что ты здесь делаешь, сейчас самое время пойти к себе и поплакать. Или как правильно это зовется?

– Да ну тебя!

– Люк сейчас заткнется, сам знаешь, слушать его невозможно, а тем более воспринимать всерьез. Ему лишь бы ляпнуть, не подумав.

Чарли развернулся, покрутил у виска и вышел из каюты. С одной стороны, он понимал, почему становится вечным объектом для шуток, и старался не обижаться на это. Но с другой стороны, ему хотелось, чтобы люди воспринимали его всерьез. Еще с детства все относились к нему как к маленькому, проблем добавляли и детские черты лица. В сочетании с высоким ростом он был похож на подростка в переходном периоде. В затянувшемся переходном периоде.

– Зря ты так с ним! Доведешь его, случится чего-нибудь неладное, – сердито обратился к Люку Джастин.

– Ты правда думаешь, что я серьезно? Он же понимает, что это шутки. Здесь только и остается, что шутить, иначе можно помереть со скуки.

– Его родители всю жизнь опекали, он только от них отвязался, теперь еще ты со своими шутками. Пусть делает что хочет. Только пропустив все через себя, можно закалить характер. Больно, но действенно. – Джастин сам через это прошел. – Да и что бы ты ему ни сказал – наткнешься на бетонную стену непонимания.

– Вот я и говорю – ведет себя как ребенок, а потом удивляется, почему его бросили! А что не так с его родителями? Я видел, они встречали его в прошлом году, милейшие люди. Хотя ты прав, это было смешно!

– Только не воспринимают его всерьез.

– Откуда ты знаешь?

– Я не люблю трепаться, но посуди сам. Знаешь, в чем его главная проблема? Не в том, что он слюняй, как ты выразился.

– А в том, что он самый большой слюняй из всех слюняев? – Люк с усмешкой посмотрел на Джастина.

– Нет, в том, что он хочет казаться полной его противоположностью. Из-за этого и возникают конфликты внутри, потому что сложно быть тем, кем не являешься.

– Мне кажется, ты слишком много времени проводишь один. Тебе надо на что-то отвлечься, чувствую, скоро ты закипишь, как чайник, и взорвешься в самый неподходящий момент. Не хотел бы я оказаться рядом.

– Я только сейчас начинаю понимать цену своего одиночества, – он не заметил, как раскрыл свой секрет. – Сколько себя помню, всегда любил тишину, а теперь становится тесно. По ночам она давит с такой силой, что воздуха совсем не хватает.

– Теперь-то мне все стало ясно! Сделаю тебе одолжение – возьму это на себя. Причалим, и я тебе такую женщину найду, что эти несколько ночей одинокими точно не будут!

– Жаль, что одиночество измеряется не количеством людей рядом, – Джастин вздохнул и отвел взгляд.

– Слушай, я люблю эксперименты, но ты уж как-нибудь сам с ней разберешься! Если не забыл, как это делается.

– А если на спор? Присоединишься к нам?

Друзья Люка знали, насколько он азартный человек, и уговорить его на что-то было проще простого, стоило только предложить сделать это на спор. Из-за этой своей слабости ему приходилось делать многое: петь соловьем на центральной улице, целовать незнакомую девушку, расплачиваться фальшивыми купюрами и даже отбивать чечетку на барной стойке. Особенно хорошо смотрелась чечетка после двух бутылок виски на двоих.

– Не доводи до греха! – Люк ударил товарища по плечу.

– Не все же тебе ставить людей в неловкое положение.

По вечерам Чарли любил смотреть на море, выходя ночью на палубу. Он много думал о своих родителях – из них могла бы получиться образцовая семья, если бы не рьяное желание матери все контролировать. Ее собственная жизнь сложилась не лучшим образом. Однажды она пустила все на самотек, и ничего хорошего из этого не вышло, поэтому своим долгом мать считала дать себе второй шанс. Вот только за неимением второй собственной жизни переключилась на жизнь своего сына. До сих пор Чарли не понимал, что здесь делает и как сильно ему нравится то, чем он занимается. Но вариантов для выбора было немного – он не хотел разрывать отношения со своей семьей, бросить все и уехать парень не мог. Когда он впервые здесь оказался, его охватывало чувство невысказанной радости – весь мир был у его ног. Тогда казалось, что все самое лучшее еще впереди и его ждет жизнь, полная приключений.

Ребекка долго не давала о себе знать, связь с ней была потеряна. Единственное, что напоминало о ней и грело душу – это открытки, которые присылала ее бабуля. Чарли повезло, ведь Ребекка никогда не отправляла ей своих фотографий, иначе пришлось бы искать оправдания. Она не любила фотографироваться, но парню удалось сделать пару кадров, пока она спала. Не так давно в ее сумочке он нашел целую пачку фотографий, по виду сделанных совсем недавно, но он перестал обращать внимания на несовпадения ее действий и слов. Без Ребекки жизнь вернулась в прежнее русло – кругом серость, и никого нет рядом. Чарли жил один вдалеке от

семьи и друзей, которых было совсем немного. Еще несколько месяцев назад жизнь казалась сказкой, но у каждой сказки есть свой конец. Сейчас все вокруг приобрело одинаково серый оттенок, и не было ни сил, ни желания что-то менять. Оставалось только разрушить все и бежать, но бежать было некуда, поэтому он решил – надо ждать. Он ждал, когда Ребекка объявится и внесет хоть какую-то ясность. Он не замечал, как переключался на нее ответственность за свою жизнь, и она с этим прекрасно справлялась.

Когда это произошло, Чарли сидел в городском парке и листал книгу, которую кто-то оставил на лавочке. Она его мало интересовала, но за чтением время летело быстрее. Ребекка терпеть не могла читать и говорила, что литература – это не ее. Когда они познакомились, Чарли дарил ей книги в надежде, что они смогут ее заинтересовать, но этого не случилось. Если верить словам девушки, за свою недолгую жизнь она прочитала всего пару женских романов на задней парте школьного класса, потому что тогда это было модно и все вокруг только об этом и говорили.

Парк был вторым по счету местом, где он ждал Ребекку. Здесь они встречались по вторникам, а на берегу – по четвергам. Так сложилось с первых дней их знакомства, а после это стало традицией. Первым делом, вернувшись, девушка бы искала Чарли на берегу, но, не увидев со спины знакомого силуэта, с полной уверенностью направилась бы сюда, но в этот раз вместо нее пришел какой-то мужчина. У него были длинные волосы, тяжелые черные ботинки и кожаная куртка. От сильного порыва ветра она распахнулась, и под ней стали видны белая майка и увесистая золотая цепь. Дым от сигареты сбивал дыхание, но ровным спокойным голосом мужчина произнес:

– Здравствуй, у нас с вами есть общий знакомый, точнее – общая знакомая, если выражаться правильным языком.

– Вы ошиблись, у нас вами не может быть общих знакомых, – он был удивлен и напуган. – Я вас не знаю.

Круг общения Чарли был настолько узким, что он и представить не мог, с кем может связывать его этот парень. Здесь он успел познакомиться всего с парой человек, но они даже не обменялись контактами.

– Имя «Ребекка» вам о чем-нибудь говорит?

– Да, но...

– Никаких «но». Вот, возьмите это.

Он достал из внутреннего кармана куртки коробку и положил ее на скамейку.

– Что это?

– Вы должны знать об этом лучше меня. До скорого.

Чарли с осторожностью посмотрел на коробку, но все же решился взять ее в руки. От Ребекки можно было ожидать чего угодно, но желание расставить все точки и разобраться в ситуации было сильнее страха перед неизвестностью. Неопределенность сводила с ума. Парень посмотрел по сторонам, положил коробку в рюкзак и двинулся в сторону дома.

Впервые за все время их общения слова Люка заставили Джастина задуматься. Раньше он не воспринимал всерьез советы друга, но сейчас попадание было точно в цель. В последнее время он остро ощущал одиночество и пытался найти этому хоть какое-то объяснение, перебирая всевозможные причины – полнолуние, переутомление или неизвестная ему болезнь. История с девушками уже не казалась столь омерзительной. Он вспомнил фотографию семьи Люка, которую тот носит в кошельке, и чувство зависти впервые охватило его. Джастин не знал, каково это – иметь семью, но, по-видимому, это приятно и способно сделать счастливым даже самого из несчастных. Мысли о семье посещали и раньше, но мужчина старался отогнать их прочь. И этим «прочь» становилась каюта, в которой оставалось все меньше места для него самого. Если у других были планы, то у него не было ничего, кроме дома, куда он не хотел

возвращаться. Джастин пролежал без сна пару часов и, не найдя ответов, снова отправился к Люку.

– Ты чего долбишься? Я думал, мы тонем!

– Снова твои дружки? – проворчал лежащий напротив Люка.

– А как вам это? Ради такого и утонуть не жалко?

Джастин достал из правого кармана куртки начатую бутылку коньяка, а из левого два стакана.

– Все это время у тебя были такие запасы, и ты молчал? – Люк оживился и быстро соскочил с кровати.

– Не молчал, а берег для особого случая. Сейчас как раз такой.

– И что же это за случай? Неужели нам заплатят в несколько раз больше?

– Мне жаль тебя разочаровывать, но ты не угадал.

– Интересно! Что бы там ни было, ты ворвался сюда в два ночи, поэтому выкладывай, что случилось.

– Люк, расскажи, как ты понял, что Валери именно та девушка, с которой нужно связать свою жизнь, – серьезно попросил Джастин.

– Она единственная смеялась над моими шутками.

– Да уж! Похоже, тебе и выбирать не пришлось, – мужчина развел руками.

– Вот ты кретин! Давно хотел спросить: что означает татуировка у тебя на руке?

Татуировку с двумя перекрестными мечами Джастин сделал сразу, как только ему исполнился двадцать один год. Тогда он окончательно понял, что за все в жизни нужно бороться. Вопросы об этом выводили его из себя, и он всячески старался сменить тему.

– Ничего особенного, так – ерунда. Сделал в молодости по большой глупости.

– Так ли по глупости? Не очень-то на тебя похоже.

– Люк, отстань, это было пятнадцать лет назад, – прикрикнул Джастин.

– Значит, за пятнадцать лет ты сильно изменился. Твоя кожа уже не такая упругая, голова не такая свежая, и взгляд не такой задорный!

– Особенно проблема со взглядом меня беспокоит.

– А вот его как раз легко исправить, в отличие от всего другого!

Джастин любил проводить время в компании Люка, общение с ним отрезвляло и возвращало к реальности. Он даже пробовал на себя примерить роль веселого прожигателя жизни, но даже в мыслях не получалось надолго войти в этот образ. Удивительно, но для этого у него было все: внешность и харизма.

В школьные годы вокруг него вертелось много девчонок. Все тогда говорили, что парень подает большие надежды. Талант обнаружили, когда искали ведущего для школьного радио, Джастин стал идеальным кандидатом. И уже через месяц под его голос просыпались девушки, о которых только можно было мечтать. Длилось это недолго, и спустя год излишнее внимание стало утомлять. Тогда он решил раз и навсегда закончить карьеру ведущего. Еще долго после этого Джастин находил любовные записки около своего школьного шкафчика. Однажды какой-то парень так приревновал свою девушку, что избил его. Джастин хорошо запомнил тот день и в дальнейшем старался избегать драк. Если был хоть небольшой шанс разобраться в проблеме без применения силы, он делал для этого все, что от него зависело. Он знал, что его главный противник – это он сам.

– Пойдем пройдемся?

– А пойдем!

Они вышли на палубу и закурили. Воздух был теплый и пресный. Черное небо обсыпали звезды, висела большая луна.

– Полнолуние.

– Красиво.

ГЛАВА 5

Чарли не помнил, когда в последний раз бегал. Бег был ему не подвластен, и он завидовал тем, кто получал удовольствие от изматывающего монотонного процесса, которым так жадно хотелось овладеть. Парню казалось, научись он в совершенстве переставлять ноги и распределять нагрузку, самые высокие преграды станут для него преодолимы.

Он бежал от самого себя и от бессилия справиться с собственными эмоциями. Страх неизвестности вцепился за горло и не хотел отпускать. Ожидание тяготило, и сердце стучало с бешеной скоростью – хотелось остановиться, отдышаться и посмотреть, что же там внутри. Чарли был не готов ни с кем делить эти эмоции, ему хотелось насладиться секундной близостью с Ребеккой в одиночестве. Он бежал и, запнувшись, едва не попал код колеса. Остался последний рывок.

Жить вместе с Ребеккой было невозможно, и все это время он снимал комнату в доме с приезжими студентами. Здесь он принимал душ, спал и изредка готовил еду. За все время Чарли так и не удалось ни с кем подружиться. Впервые он пожалел об этом сейчас, когда стал нуждаться в совете. Оказалось, советоваться было не с кем.

Днем здесь все выглядело совсем по-другому – гостиная казалась больше и светлее. Играла тихая музыка, а с кухни доносился шум – кто-то мыл посуду, протирал и ставил ее на полку. Он даже задумался о том, не ошибся ли дверью. Все дома в этом районе выглядели одинаково, можно запросто их перепутать.

В прихожей было светло от бледного солнца. У барной стойки сидела девушка и с интересом читала журнал, отбивая пальцами ритм одной известной песни, название которой он так и не вспомнил, хотя долго пытался. Поздоровавшись вполголоса, парень быстрым шагом преодолел расстояние до своей комнаты и открыл коробку. Внутри лежал конверт, на нем маркером было написано его имя, а снизу стояла подпись – «Ребекка».

Чарли открыл белый, как свежие облака, конверт и удивился, когда обнаружил внутри деньги. Он не понимал, зачем Ребекка их отравила. Ее поведение было похоже на поведение ребенка, который хотел доказать родителям, что способен на большее.

Когда Чарли пересчитал купюры, то понял, что сумма оказалась больше, чем он предполагал еще несколько минут назад. Это была огромная сумма для такой хрупкой девушки, как Ребекка. Она была невысокой и худой, отчего создавала ложное впечатление о своей беспомощности, которым умело пользовалась, если ей это было нужно.

Чарли попытался прикинуть, на что бы хватило этих денег. Можно было оплатить проживание в этом доме на несколько месяцев вперед, съездить домой к матери и вернуться обратно, и это еще не все. Он смотрел на свои руки, полные денег, и думал об одном – лишь бы она никого не убила и ничего не украла. Случись такое, парень бы все равно не поверил, хотя знал – от Ребекки можно было ожидать чего угодно.

Он смотрел в потолок, и ему в голову пришла мысль – а что если это проверка. И если бы стоял выбор: оставить деньги или вернуться к Ребекке, он бы не сомневался в своем решении ни на минуту, и уже вечером они бы гуляли по знакомой набережной. Чарли бы надел черный пиджак, а она – легкое ситцевое платье. Ребекка любила, когда он выглядел серьезно, и парень подошел к ее желанию со всей ответственностью, добавив в гардероб два строгих костюма. Пусть ненадолго, но это ее заземляло и возвращало к реальности. Это было вчера, а сейчас Чарли сам утопает в фантазиях, пытаясь хоть как-то приблизить девушку к себе. Она прислала деньги в качестве доказательства, что кто-то смог по достоинству ее оценить, а он ей не верил. То есть верил, верил всегда, но не хотел отпускать.

Складывая купюры обратно, на одной из них он заметил обратный адрес, а снизу приписку – «Пиши сюда. Ребекка». Если она оставила адрес, значит, не собирается возвращаться, но если решилась на это, значит, дождется ответа.

Он не знал, как ее дела, чем она занимается и в каком пребывает настроении – ему было страшно узнать ответы на эти вопросы. Он не представлял, о чем писать, чтобы получить ответ, но все равно достал ручку с высокого шкафа и неторопливо вывел несколько строк.

Дорогая Ребекка!

Я рад, что ты дала о себе знать и прислала мне это письмо. Надеюсь, у тебя все хорошо. Я сохраню деньги в конверте, а когда ты вернешься – мы отправимся в путешествие. Пока я буду работать, и, может, мне даже удастся привести себя в форму, чтобы стать для тебя хорошим защитником, как ты и хотела. Пиши, но деньги больше не присылай. С любовью. Забыл написать – твоя бабуля чувствует себя хорошо».

В конверт он вложил две последние открытки от бабушки Ребекки, надеясь, что они пробудят в ней теплые чувства и она вспомнит о доме.

В первый раз он соврал. Он так и не нашел работу, не считая ежедневной монотонной работы над собой, которая не приносила никаких результатов. Но его все равно впервые за долгое время охватила радость. Теперь он точно знал, что не вернется в родительский дом.

Улицу окутал густой туман, в воздухе царил прохлада. Дворник укладывал мусор в контейнер. На часах шесть утра, а значит, пора вставать.

Утренние сборы проходили спокойно и без эмоций. Даниэль вставал по будильнику, умывался и готовил завтрак – этому он научился, когда был совсем маленьким. Отец часто проводил ночи в мастерской и там же засыпал за работой, если удавалось закрыть на минуту глаза.

Путь от дома до школы проходил через парк, осенью он был особенно красив. Миллер любил приходить туда и читать книги, пока Даниэль был в школе. Книги в их доме занимали особенное и важное место. За годы у Миллера накопилось много литературы. В основном это были старые издания, оставшиеся от предыдущих хозяев, небольшую часть книг он обменял у соседей. До последнего переезда коллекция была больше, часть из них пришлось оставить.

Миллер приходил в парк всякий раз, как было свободное время. Там он находил безлюдное место среди деревьев, стелил старое покрывало и читал книги. Это помогало ему отвлечься от своей жизни и насладиться чужой. Ему не хватало эмоций, а сблизиться с кем-то было опасно.

Угадать, когда он туда пойдет, было невозможно, но Люси пыталась. Она всегда открывала окна, а входная дверь в дом Миллера громко скрипела. Люси решила: если скрипит дверь, значит, он куда-то уходит. Понять куда несложно – если в его руках была книга и покрывало, значит, он идет в парк, а если зонт и портфель – по делам. По делам он ходил нечасто, только в день, когда его ботинки блестели, но Люси не обращала на это внимания. Это была загадка для Даниэля.

Иногда Миллер был искренне рад видеть Люси. Ароматный пирог – одно из его самых любимых блюд, а горячий чай она заваривала бесподобно. Все это приходилось как нельзя кстати, и в такие моменты он думал о том, почему женщина, ставшая такой родной, по-прежнему не становилась близкой. Внутри был барьер пустоты, и чем ближе она приближалась, тем сильнее нарастала тревога.

В мастерской накопилось много работы, но красота осени манила, и пролетающие мимо листья приглашали погреться в лучах теплого солнца.

– Я принесла ваш любимый пирог.

– С курицей?

– Да, как вы любите.

– Спасибо, Люси. Вы, как всегда, знаете, что мне нужно.

– Я случайно заметила, как вы уходили, когда меняла занавески. – Она улыбнулась. – Что вы сейчас читаете?

– Готовлюсь провести вечер с Даниэлем – ищу то, что может стать ему интересным. В последнее время он увлекся автомобилями. – Мужчина перелистывал страницы. – А еще я заметил, что он любит гонять мяч. Может, ему и не нужны эти книги. Я вижу, как быстро он растет и меняется, вместе с ним меняюсь и я, только изменения эти происходят со мной куда более медленно. Не знаю, успеваю ли я за ним.

– Меняетесь? И каким же вы становитесь?

– Сейчас я вижу, как скоротечно время. Это меня пугает, и беспокойство внутри от этого возрастает. Мне кажется, будто я двигаюсь в обратном от других направлении. В детстве я рос серьезным – мне никто не был нужен, и я никого не хотел видеть рядом. Мне потребовалось много времени, чтобы начать в ком-то нуждаться. Слишком много времени, чтобы это осознать, и слишком мало времени, чтобы это найти. Я любил свободу, и удерживать кого-то казалось мне неправильным и недопустимым. Тогда это было моей правдой, моим лозунгом и девизом.

– С возрастом люди меняются, вы правы. Я поддержу любые ваши изменения. – Люси положила руку ему на плечо.

– Спасибо. Мне странно это говорить, и вы удивитесь, но мне не нужна поддержка – мне нужна уверенность, и гарантировать ее могу только я сам.

– Но вы же только что сказали, что вам нужен кто-то близкий – кто-то, кто позволит раскрыться и быть собой.

– Быть с кем-то и зависеть от кого-то – это разные состояния, вы понимаете, о чем я? Это как перепутать преступника с заложником.

– О чем вы? Преступник позволяет любить, а заложник любит? – задумчиво спросила Люси. В ее голубых глазах отражалось непонимание.

– Когда мне удастся найти ответы на эти вопросы, я сразу же соберу вещи и уйду отсюда.

– Значит, вы приходите сюда, чтобы найти ответы на свои вопросы, и занятия с Даниэлем здесь совсем не при чем.

– Я прихожу сюда, чтобы разобраться в своей жизни, а Даниэль – важная ее часть, – мужчина старался сдерживать раздражение.

– Прошу прощения, я просто пытаюсь понять. – Люси опустила взгляд и отвернулась.

Это их первый серьезный разговор, и почему он случился тогда, было неясно, но после него хотелось уйти и скрыться от посторонних глаз. Ее глаза он видел часто, но они все еще оставались чужими, и он не мог изменить это, как ни пытался.

– Вам не за что извиняться.

– Занятия Даниэля скоро закончатся, не хочу его стеснять. В этом парке он любит гулять после школы. В детстве мне не нравилось, когда родители появлялись в самый неподходящий момент.

– Он растет самостоятельным мальчиком.

Миллер воспитывал Даниэля с оглядкой на свое детство. В общении с родителями было много недомолвок, благодаря чему он вырос полной их противоположностью, задушив в себе нежность и оставив только холодный тон. Меняться было сродни прыжку на лошадь, бегущую с бешеной скоростью.

– Спасибо, Люси, мне пора.

Он свернул плед, засунул книгу в карман и, отряхнувшись, направился в сторону дома. Под ногами хрустели листья.

До стоянки в порту осталось немного времени.

– Уже завтра! Мы так и не придумали, чем займемся, – сказал Люк, будто никогда прежде не был на суше.

– Я не понял, Люк, а кто мне обещал бессонные ночи? – напомнил другу Джастин.

– С девчонками?

– Девчонки – это у тебя, аж целых три, а я говорю о женщинах.

– Что ты несешь? Мои девочки еще малы для тебя, впрочем, как и для кого-то другого, – возмутился Люк.

– А ведь совсем скоро они вырастут, у них появится личная жизнь, и кто знает, чем это может закончиться.

– И это правильно! Не все хотят коротать вечера в одиночестве.

– Да хватит вам! – перебил приятелей Чарли. – Я знаю, чем займусь сразу, как мы приедем – попробую связаться Ребеккой.

– Я думал, мы весело проведем время, – без энтузиазма пробубнил Люк.

– У тебя есть предложения?

– У меня есть идея! – вмешался Чарли.

– Говори уже, не томи!

– Решим завтра прямо на месте. Чего сейчас голову ломать?

– Чарли, от тебя я другого и не ожидал! А ведь там живет мой старый друг. Странно об этом говорить, но с тех пор прошло больше двадцати лет. – Люк тяжело вздохнул. – Нас столько с ним связывало, я думал – друзья на века. Если бы кто-нибудь тогда осмелился сказать, что мы перестанем общаться, я ни за что бы не поверил. Готов поспорить на любые деньги!

– С друзьями детства остается связь длиной в жизнь, даже если вы перестаете общаться.

– Наши пути разошлись, как только я встретил Валери, – заметил Люк. – Вместе с этой встречей закончилась эпоха моей беззаботной юности.

– Похоже, нас снова ждет вечер ностальгии. Каждый из вас пошел своей дорогой, ты сделал правильный выбор, Люк. Посмотри на свою семью! Тебе есть чем гордиться, – с завистью в голосе произнес Джастин.

Люк часто вспоминал прошлое, несмотря на любовь к морю, жизнь стала однообразной и предсказуемой. Одни и те же шутки он твердит уже двадцать лет, и мало что изменилось с тех пор, кроме пополнения в их семье. Жизнь стала приторно сладкой, ему не хватало азарта, которым питалась душа все предыдущие годы. Мужчина не любил унывать, и признать, что испытывает чувство, подобное грусти, было для него преступлением против себя самого. Он осуждал любое проявление слабости, поэтому все, что вызывало бурю серьезных эмоций, он превращал в шутку, скрывая даже от себя.

– Люк, твоя жена здесь вообще не причем. Ты сам сделал этот выбор!

– Все имеют право на ошибку. Стоило лишь обмолвиться о своем прошлом, как тут же выяснилось, что меня не устраивает вся моя жизнь. Словно будь я сейчас одинок, то уже бы катался на яхте с какой-нибудь красоткой, вместо того чтобы сидеть здесь и смотреть на ваши рожи. И пил бы я не дешевое пиво, а дорогое вино!

– Из красивых бокалов? – смеясь, поинтересовался Джастин.

– Я тебе сейчас врежу!

– Я тебя не боюсь, Чарли меня защитит.

– Он сможет тебе помочь, только если ты на него упадешь. Тогда твое грузное тельце не так сильно ударится об пол.

Чарли не любил, когда обсуждали его внешний вид. Однажды он уже работал над своей фигурой, но как бы он ни старался, даже по сравнению с самым хилым выглядел еще более беспомощным. Шутки по этому поводу его расстраивали, особенно если он слышал их от людей, его не знающих. Они и представить себе не могли, сколько сил и терпения он вложил, так и не дождавшись заметного результата.

– Не помню, когда мы по-настоящему веселились, чтобы было что вспомнить, – мечтательно произнес Люк.

– Хочешь попасть в заголовки местных газет?

– Нет, хочу оставить красочный след в памяти.

– В памяти местных жителей? – усмехнулся Джастин.

– Мне хватит и нашей. Хотя смотря что будет стоять на кону! Вы же меня знаете!

– Мы сделаем это, Люк!

– Обещаешь?

Письмо, предназначенное для Ребекки, Чарли отправил вечером, сразу же после того, как написал ответ. Он был уверен – обратной связи не будет, но, закрывая глаза, представлял, как девушка открывает конверт и читает написанное им вслух. У нее хорошо получалось делать это с особенным, только присущим ей выражением, для этого не нужен был полный зал зрителей и дешевые декорации.

Всякий раз хватаясь за ручку, Чарли вспоминал, какой трогательной она была, когда писала письма Софи. Ни в каких других ситуациях он не видел Ребекку такой слабой и беззащитной. Она убегала от всего, что приносило ей радость, и этот механизм истязания был ему непонятен.

Единственным желанием все еще оставалась встреча с ней. Парень не знал, где она находится и который там сейчас час, но если бы он только мог, то нашел бы способ туда добраться. Даже на расстоянии Чарли верил – между ними есть связь, и тратил все силы на то, чтобы уловить ее сигналы.

Ребекка думала о нем всякий раз, когда ей того хотелось, а в моменты сильной тоски отправляла письма. Она ничем не рисковала и, в отличие от Чарли, не подставляла себя под обстрел. Ей был важен контакт, а ему – романтика, связанная с ожиданием.

Девушка была единственным маяком, к которому хотелось идти, и единственным ориентиром, на который хотелось равняться. Несмотря на полную противоположность, Ребекке удалось стать его опорой, рядом с которой парень чувствовал себя уверенно и защищенно, как под крылом своей матери.

В детстве ему не хватало заботы – родители занимались своими делами и вспоминали о его существовании, только когда в дверь стучала школьная учительница или мама одного из одноклассников, у которого он отобрал тетрадку и выкинул в окно. Всеми способами Чарли пытался привлечь к себе внимание, пока не повзрослел. С возрастом в голове его матери тоже что-то переменялось, и она начала пытаться все контролировать, вот только с запозданием на десятилетие.

Больше всего в жизни Чарли хотел почувствовать, что такое любовь, и наконец-то ее ощутил. Бунтарка с неисправимым характером – она стала для него источником силы и вдохновения. Все это время парень был уверен – они с Ребеккой на одной волне, но лишь потом до него дошло, что их волны находятся в разных океанах. Его океан был размером с лужу, и только рядом с ней он превращался в глубокую синюю бездну.

Чарли отправил письмо и поднял голову вверх, вцепившись глазами в звезды. Нужно было решать, куда двигаться дальше, и чтобы найти ответ, он изо всех сил подумал о том, где бы сейчас больше всего хотел оказаться, если бы запросто мог переместиться из одной точки в другую. Нарочно он избегал мыслей о ней, но вместе с тем не оставалось ничего, кроме пустоты.

Когда я возвращаюсь со школы и прохожу мимо сквера, то часто вижу вдалеке силуэт отца. Я знаю, он любит приходить туда один, но никогда в этом не признается. Он мог бы сидеть там дольше, если бы мои занятия не заканчивались так рано. Я его люблю и совсем

не стесняюсь. Лео всегда подвозит его отец, и это никого не удивляет. У моего отца нет машины, но это у Лео богатый папа. Я ему не завидую, потому что они часто ссорятся, а мы с отцом никогда не ругаемся. Если он не хочет читать книгу или играть, значит, он занят, и я ему не мешаю. Он всегда занят, когда много думает. Иногда он так много думает, что в его комнате горит свет всю ночь. А еще он много думает, когда чистит ботинки. Я думал, что все отцы чистят ботинки, но я ошибался. Мой отец удивительный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.